

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮЛЬ 1999

АВ 5759

№ 7 (87)

БЕСЕДЫ О КНИГЕ

Пинхас: решительный миротворец

Эта глава начинается с рассказа о том, какую награду получил Пинхас, не потерпевший осквернения имени Всевышнего, рисквавший своей жизнью ради освящения Его имени.

Когда Зимри, глава колена Шимона, привел в шатер евреев мидьянитянку, заявив, что брак с идолопоклонницей не запрещен Торой, никто не знал, как поступить. Зимри при всем народе обратился к Моше с дерзким вопросом: "Скажи, какая разница между этой женщиной, которую я пожелал взять себе в жены, и твоей женой Ципорой, которая тоже происходит из Мидьяна?" Моше затруднился с ответом не потому, что усомнился в законе Торы, а потому, что вопрос Зимри был неискренним, провокационным. Ципора, дочь Итро, стала женой Моше до дарования Торы, когда закон был другим: женщине достаточно было отказаться от идолопоклонства, чтобы брак с ней мог состояться. Моше не стал это разъяснять Зимри, и тот повел женщину в шатер, таким образом не только публично нарушая законы Торы, но и делая это в стане, где проявлялось Б-жественное присутствие. Это было чудовищное святотатство, попрание морали и общепринятых норм. Если бы поступок Зимри остался безнаказанным, сыны Израиля не избежали бы духовного падения. Но увидевший все это внук Аарона Пинхас "...встал... из среды общества, и взял копье в руку свою, и пошел за израильянином в шатер, и пронзил их обоих, израильянина и женщину ту..." (Бемидбар, 25:7-8).

Пинхас показал, что никому не дозволено оскорблять имя Всевышнего, ни самому незаметному "маленькому" человеку, ни князю, главе колена. Своим поступком Пинхас, кроме всего прочего, совершил акт самопожертвования: ведь после этого он нуждался в помощи и охране, так как сыны колена Шимона вполне могли расправиться с ним. Всевышний, оценивший по достоинству поступок Пинхаса, решил отблагодарить его: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше, так: "Пинхас, сын Эльазара, сына Аарона-коэна, отвратил гнев Мой от сынов Израиля, возревновал за Меня среди них... Поэтому скажи: "Я заключаю с ним Мой союз мира. И будет он ему и потомству его союзом вечного священнослужения за то, что он возревновал за Всесильного своего..."» (Бемидбар, 25:10-13).

Раши объясняет столь подробное перечисление предков Пинхаса тем, что оно было необходимо из-за неуважительных разговоров о нем: «"Посмотрите на этого внука Пути! Отец его матери откармливал тельцов для жертвоприношений идолам (его отец женился на дочери Путиэля, он же Итро), и он убил главу колена Израиля!" Поэтому Писание указывает на его происхождение от Аарона».

Чем было вызвано такое отношение евреев к Пинхасу? Ведь они были свидетелями поступка Зимри, плакали при этом. Более того, они убедились в том, что после смерти Зимри в лагере Израиля прекратился мор. И это благодаря Пинхасу! Непонятно также почему, желая унижить Пинхаса, они упоминали о том, что его дед "выращивал тельцов для жертвоприношений идолам", — не логичнее ли было вспомнить, что священник Итро служил идолопоклонству.

Претензия евреев к Пинхасу заключалась в том, что именно он, единственный, поднялся и "возревновал" за Б-га. Все это произошло в присутствии всей общины

Израиля, и оппоненты Пинхаса уверяли, что его поступок объясняется не "ревностью", а жестокостью, таящейся в его душе. Они упоминают, что его дед "выращивал тельцов для идолопоклонства", а это и являлось символом жестокости. Несчастное животное откармливали самой лучшей едой лишь для того, чтобы затем зарезать, принести в жертву. Соответственно человек, профессионально занимающийся этим, должен был отличаться особой жестокостью, и Пинхас, по их мнению, должен был унаследовать это качество. Ему ничего не стоило убить Зимри.

Всевышний рассматривает другую часть родословной Пинхаса: "Пинхас, сын Эльазара, сына Аарона-коэна", опровергая тем самым доводы о жестокости Пинхаса, якобы послужившей причиной его поступка. Напротив, именно будучи внуком Аарона, унаследовавшим от него главное качество "стремящийся к миру и распространяющий любовь между спорящими", Пинхас совершил свой поступок, таким образом "помирив" народ Израиля с Б-гом.

Стремление к миру, к спокойствию не выражается лишь в отсутствии агрессивных действий. За мир приходится бороться. Во имя будущего еврейского народа Пинхас должен был поступить так, как он поступил. Ситуация вокруг Зимри и Пинхаса может показаться не столь однозначной, и при желании не составит большого труда найти аргументы не в пользу Пинхаса. Но Г-сподь Сам дает оценку его поведению.

В нашей повседневной жизни не всегда легко однозначно оценить действия окружающих. Зачастую, когда появляется энергичный, полный готовности к решительным действиям человек, мы склонны искать косвенные причины его поступков. Этих причин может быть немало, это и карьеризм, и популизм, и желание войти в историю, и многое другое. Такой анализ не лишен смысла, ведь мы никогда не знаем, что кроется в душе другого человека, даже хорошо нам знакомого. Но делать выводы надо все-таки не из предполагаемых причин поступков, пусть эти причины и кажутся очевидными, а из их результатов, последствий. Известное правило Талмуда гласит, что и тогда, когда человек совершает добрые дела не из лучших побуждений, в конце концов он станет творить добро из лучших побуждений. Довольно часто мы помогаем ближним просто потому, что так принято, того требуют общественные нормы. Но ведь итогом оказывается помощь нуждающимся, и не так уж важно, что нами двигало.

Однажды известный раввин, узнав о том, что в городе живет очень гостеприимный человек, готовый откликнуться на просьбу о помощи, решил посетить его и поблагодарить за столь Б-гоугодную деятельность. Но этот человек признался раввину: "Ребе, я не чувствую, что абсолютно искренен, что моими действиями движут исключительно добрые, бескорыстные, настоящие чувства". Раввин поспешил его успокоить: "Но ведь хлеб, который они едят в вашем доме, настоящий!"

Матот: искать светлые стороны

В начале главы сказано: "Если человек даст обет Б-гу или поклянется клятвой, приняв запрет на себя, то не должен он нарушать слова своего, все, как вышло из уст его, должен он сделать" (Бемидбар, 30:3).

Что такое обет перед Б-гом? По сути дела таковым является принятие на себя человеком ограничений в разрешенных Торой вещах. Иначе говоря, произнося обет, человек делает разрешенное запрещенным для себя. Мудрецы относятся к обетам двойственно. С одной стороны, они признают положительное влияние обета, считая его

"оградой от разврата", с другой — порицают принявшего на себя обет: "мало тебе того, что запретила Тора, ты еще хочешь ввести дополнительные запреты?!"

На самом деле никакого противоречия нет. Есть люди, для которых обеты являются положительной вещью, но есть и такие, кому не следует принимать на себя обеты.

Человеку, не поднявшемуся пока на достаточно высокую ступень службы Всевышнему, следует ограждать себя и в разрешенном — и оно без ограничений может причинить духовный упадок. Тора не запрещает человеку получать удовольствие или заниматься трудом не только для того, чтобы прокормить семью, но и с целью увеличить свое состояние, однако предлагает еврею стремиться к святости. В определенных случаях и у определенных людей лучшим путем для этого являются ограничение обыденных занятий и посвящение большего времени не отдыху и удовольствиям, а исполнению заповедей. Но тот, кто находится уже на той ступени, когда можно быть уверенным, что разрешенные Г-сподом материальные ценности этого мира не причинят ему вреда, не должен отказываться от "мирского", ему следует знать, что ему предстоит очищать материальные блага этого мира от скверны.

Но и принимая на себя ограничения, необходимо руководствоваться особыми принципами. Еврей, добровольно отказываясь от излишеств или даже от обычных радостей этого мира, должен делать это вовсе не потому, что считает их нечистыми. Все, что создал Всевышний, кроме разве что запрещенного Торой, представляет собой вместилище святости.

Но и святость достигается разными путями. Один из них состоит в подробном изучении того, чего нельзя делать, другой — в исполнении заповедей, добрых дел. Хасидизм учит, что второй путь предпочтителен как более верный. Оказывая положительное влияние на мир, мы автоматически уничтожаем зло. Иначе говоря, чтобы бороться со злом, надо творить добро, и тогда зло самоустранится.

Обозревая мир вокруг себя, общаясь с окружающими, мы не должны искать негативное. Нам очень часто известно "как не надо", а искать следует "как надо". Если мы верим в истинность Торы, можно исполнять ее заповеди, руководствуясь тем, что за их нарушение обязательно последует наказание, возможен подход с другой стороны, когда мы помним, что за их исполнение нас ждет награда. Мы можем увидеть отрицательные качества у своего ближнего, но не надо забывать, что он, как и мы, — обладатель Б-жественной души, "частицы Самого Б-га". Такой подход, поиск позитивного, представляется гораздо более разумным.

Масэй: уверенность в завтрашнем дне

Известно, что при разделе страны Израиля между евреями, колено Леви не получило удела, как все другие колена. Сорок восемь городов с небольшими участками земли вокруг них следовало оставить для левитов. Как это происходило на практике, описано в книге Иеошуа. Земельные наделы не были выделены левитам главным образом потому, что земледелие могло стать их основным занятием в ущерб исполнению возложенных на них Всевышним обязанностей, связанных с Б-гослужением в Храме. Кроме того, учитывалось, что равномерно распределенные среди остальных, они могли быть учителями Торы, разъясняющими Закон.

В главе “Масэй” рассказывается о том, что сыны колена Леви, избранные для служения в Храме, получили и шесть городов-убежищ, три к востоку от Иордана и три к западу.

В предыдущей главе сообщалось, что колена Реувена, Гада и полколена Менаше обратились к Моше с просьбой разрешить не переходить через Иордан. Моше ответил им с упреком: "...Братья ваши пойдут на войну, а вы будете сидеть здесь?" (Бемидбар, 32:6). Казалось бы, из этого вытекает, что не следует селиться на противоположном берегу Иордана. Но ведь левитам были отданы три города на другом берегу!

Конечно, не вызывает сомнений, что и на противоположном берегу Иордана была необходимость в городах-убежищах, такие города требовались везде, где жили евреи. В них, как известно, могли укрыться люди, совершившие непреднамеренное убийство. Родственники убитого не имели права напасть на преступника ни в одном из этих городов. Если суд устанавливал, что убийство было преднамеренным, убийцу ожидала смертная казнь, если же выяснялось, что убийство произошло из-за небрежности, человека обязывали оставаться в городе-убежище до амнистии, наступавшей в случае смерти первосвященника.

Но зачем было поселять в этих городах левитов? Этот вопрос представляется безусловно актуальным, если учитывать, что работа левитов была связана в основном с Храмом. Колена Леви отличалось особой любовью к стране Израиля. Левиты не согрешили с другими разведчиками, возражавшими против ввода евреев в Израиль. И именно их Всевышний оставляет на противоположном берегу реки Иордан?!

В вопросе заложен и ответ. Именно потому, что левиты относились так к стране Израиля, их и следовало поселить на другом берегу реки Иордан. Ведь Моше отверг претензии остальных колен на эту землю потому, что причиной их желания поселиться там были земли, удобные для разведения скота. Левиты, поселившиеся на землях, о которых сказано, что с приходом Мошиаха они войдут в страну Израиля, символизировали веру в то, что такие времена настанут. Поселясь там, они проявляли готовность к будущему, обещанному Всевышним.

Дворим: слезы поколений

Эту главу читают в субботу перед 9 Ава, и в ней много намеков на события этого дня. Глава начинается с обличительной речи Моше в адрес евреев, напоминаний о тех местах, где они гневил Б-га: "Вот слова, которые говорил Моше всему Израилю..." (Дворим, 1:1).

Раши комментирует слова "всему Израилю" так: «Если бы он порицал часть из них, то отсутствующие говорили бы: "Вы слушали сына Амрама и ничего не возразили ему в ответ?! Если бы мы там были, то ответили бы ему!", поэтому он собрал всех и сказал им: "Вот все вы здесь. Всякий, у кого есть что возразить, пусть возражает"».

Итак, Моше собрал всех евреев, чтобы напомнить им о том, как они гневил Г-спода. Среди прочих проступков, совершенных еврейским народом, он напоминает им грех разведчиков: «...и взял я из вас двенадцать человек, по одному человеку от колена. И отправились они, и поднялись в горы, и дошли до долины потока Эшколь, и разведали ее. И взяли они в руки свои из плодов той страны, и снесли к нам, и рассказали нам, и сказали: "Хороша страна, которую Б-г, Всесильный наш, дает нам!" Но вы не захотели

подняться, и воспротивились повелению Б-га, Всесильного вашего. И возроптали вы в шатрах ваших, и сказали: "По ненависти Б-га к нам вывел Он нас из страны египетской, чтобы предать нас в руки эмореев на истребление! Куда подниматься нам? Братья наши внесли страх в сердца наши, сказав: народ многочисленнее и выше нас, города большие и укрепленные до небес, а также великанов видели мы там". И сказал я вам: "Не страшитесь и не бойтесь их! Б-г, Всесильный ваш, идущий перед вами, Он сражаться будет за вас так же, как сделал Он это в Египте на глазах у вас. И в пустыне этой, где видел ты, что носил тебя Б-г, Всесильный твой, как носит человек сына своего, на всем пути, которым вы шли, пока не пришли на это место. И в этом деле вы не верите Б-гу, Всесильному вашему» (Дворим, 1:23-32).

Известно, что история с возвращением разведчиков и напрасными переживаниями евреев произошла в ночь 9 Ава. В связи с этим 9 Ава превратился в день подлинного траура. Из речей евреев можно заключить, что им казалось, будто Всевышний ненавидит их. В память об этом в ночь 9 Ава традиция установила чтение свитка Эйхо, начинающийся словами, первые буквы которых образуют слово "ненависть".

В этой главе Моше упоминает то, что не вменялось в вину евреям в первом рассказе о разведчиках в главе "Бемидбар". Там речь шла о том, что народ плакал и сетовал на то, что Всевышний привел их в страну, в борьбе за которую им суждено погибнуть. Таким образом они проявили малодушие, недостаток веры в могущество Б-га. Моше упрекает евреев и за то, что они полагали, будто Всевышний не просто не может их защитить, а не хочет это делать, поскольку ненавидит их.

Моше говорит о том, что евреи "возроптали в шатрах своих". Это значит, что кроме открытых претензий, которые они высказали ему, Моше, они еще и высказывали недовольство между собой в своих шатрах. Что имеется в виду?

Раши цитирует Мидраш, повествующий о том, что евреи были недовольны самим фактом исхода из Египта, "поливного поля, которое орошается поднимающимся Нилом, а земля Кнаана — поле, зависящее от дождей".

Не оставляет сомнений, что обе претензии необоснованны. Народ, чудесным образом выведенный Всевышним из Египта, получивший Тору на горе Синай, осмелился утверждать, что Он их ненавидит! По поводу второй претензии: очевидно, что земля Израиля, которую, как было обещано, Он благословит дождями, лучше Египта, чьим единственным источником влаги являлся Нил, где для орошения полей требовалось строительство специальных сооружений.

Поскольку претензии евреев были надуманными, они не смели предъявлять их открыто.

Из этой истории можно извлечь важный урок. Заведомую ложь обычно говорят за спиной, и лучшим признаком лживости обвинений является боязнь заявить о них открыто.

Раши пишет: "Он любит вас". Эти слова подчеркиваются в субботу перед 9 Ава, чтобы укрепить и поддержать сынов Израиля в дни траура, напомнить им о том, что несчастье и горе временны, что Всевышний непременно утешит Свой народ и выведет его из изгнания.

Я ПОМНЮ...

Î èððà Î àðàèùù àí

Благословен город Житомир, утопающий в садах, с чудесным спускающимся к реке, к милому тихому Тетереву, живописным бульваром. На бульваре огромные деревья, каштаны. Весной они вздымали к небу свои белые свечи, потом дарили нам, детям, гладкие глянцевитые плоды, мы наполняли ими корзинки, играли с ними. Деревья росли, где хотели, — одни вдоль бульвара, до самой реки, другие заворачивали на встречные улицы. Им, наверное, очень нравилась Пушкинская. В каждом городе есть своя Пушкинская улица, но такой, как у нас, я думаю, нигде не было. По обе ее стороны толпились деревья с густыми кронами, они затеняли маленькие аккуратные особняки, нависали над заборами, за которыми виднелись клумбы, похожие на большие торты, которые продавались в кондитерской на Киевской улице. О, если бы мне было дано воспеть в стихах благословенный город Житомир, где я родилась, где родились мои старшие братья — одного называли Базик, другого Нона — и моя младшая сестренка Рива! Я помню все. Было мне тогда шесть лет. Да, в начале 1918 года мне было шесть с половиной лет. Значит, теперь мне...

Один за другим уходят мои сверстники, скоро некому будет вспоминать о том невероятном времени. А ведь у каждого было что-то свое, ни на что другое не похожее. И все это частичка истории.

Однажды наш город заняли немцы. Когда человеку шесть лет, ему нет дела до политики. Взрослые о чем-то говорили шепотом, один раз мне послышалось, что они за что-то немцев ругают. Мне же немецкие солдаты первой мировой войны в их шинелях мышинового цвета запомнились как менялы. То и дело в наш двор заходил солдат и менял что-то с нашими мальчишками. Более крупные обменные операции немцы проводили на близком от нас Житном базаре.

А жизнь шла своим чередом. Базик и Нона проходили курс наук на Пушкинской улице — Нона в гимназии и музыкальном училище, Базик в Реальном училище. Меня каждое утро отводили в детский сад, где нас зачем-то учили плести из разноцветных бумажных полосок коврики и водили с нами хоровод: "Каравай, каравай, кого хочешь выбирай".

Сидим мы как-то, плетем свои коврики, и вдруг... выстрелы! Стреляли часто и громко. Стреляли где-то близко! Вскоре стали прибегать запыхавшиеся родители и уводить из детского сада своих детей. Пока девочек и мальчиков одевали, а стояла зима, и на ребятах было много всяких одежек, мамы и папы рассказывали, что в город ворвались

какие-то петлюровцы, заняли вокзал и по Киевской улице дошли уже до Михайловской... Чей-то папа разъяснял:

- Вы понимаете, идут уличные бои, линия фронта проходит как раз в центре городе!

Прибежавший из Реального училища Базик объявил, что Киевскую улицу, где мы жили, захватили петлюровцы, а на Пушкинской и вокруг нее - немцы. И петлюровцы стреляют в немцев, а немцы в петлюровцев.

- Базик, возьми меня домой! - захныкала я.

- Не могу, — сказал он. - Мне придется пробираться дворами, прыгать через заборы, а как с тобой прыгать! Ты пока оставайся, может, перестанут стрелять... - и убежал.

Стрелять не перестали. Стреляли все громче, все ближе. И тут явилась Наташа, наша няня, молодая, красивая, яркая девушка.

- Скорее, скорее, — торопила она, надевая на меня шубку, теплый капор, ботики. - Скорее!

У крыльца нас поджидали санки с толстенным извозчиком на облучке.

- Як пойдэмо? - обернулся к нам толстый извозчик. - Яким шляхом?

- Та по бульвару, а тамо по Садовой, - распорядилась Наташа.

- Ни, - мотнул головой извозчик. - Рази ты нэ бачыла? Там же немци. Воны яку пушку чы шо възлы, так воны с той пушкы нэ начэ палыть будуть. Сторонкой по Леоновской пойдэмо, мабудь туды еще нэ дойшлы, мы и проскочимо.

- Хай по Леоновской, — согласилась Наташа. - Только швйдчэ, швйдчэ!

Извозчик с силой хлестнул лошадь. В лицо били острые снежинки, воздух гудел в ушах, взрывался все приближающимися выстрелами, сердце замирало от чего-то неведомого, непонятного, страшного.

Там, где начиналась Леоновская, по обе ее стороны стояли немецкие солдаты с пулеметами. Завидев нас, они замахали руками, а один длиннющий немец со злым лицом громко заорал:

- Хальт! Хальт! Доннер веттер!

- Гони! — толкнула Наташа извозчика в спину. - Гони!

Потом Базик сказал, что Наташа настоящая героиня, она пересекла линию фронта, не побоялась. И извозчик тоже герой.

- А я? - подбежала я к нему. - Я ведь тоже пересекла линию фронта!

- Значит, ты тоже героиня! - засмеялся Базик.

Я очень обрадовалась и сразу ему поверила, потому что Базик никогда не врал.

Город заняли петлюровские банды. Они учинили еврейский погром. Грабили и убивали. Убивали на улицах, врывались в дома и убивали. Каждый день мы, слегка приподняв штору на окне, смотрели, как ведут под конвоем к вокзалу толпы мужчин, там их расстреливали.

Было очень страшно. Но наша мама держалась так, будто ничего не боялась.

В городе то и дело происходила смена властей. В нашем доме искали убежище родственники, знакомые, из соседнего Радомышля к нам прибыла целая семья, там бесчинствовали банды Соколовского. Они убили тетю Рывл, а у нее должен был родиться ребеночек. Ее сын Азик спрятался под кровать и видел, как убивают его маму. По дороге к нам убили дядю Боруха. Почти каждый день кого-нибудь убивали.

У евреев было принято после смерти близкого человека несколько дней сидеть на полу. Мы, дети, уже привыкли то и дело переступать через ноги сидящих на полу плачущих людей. Мы тогда играли... в погромы!

Все, кто у нас прятался, думали, наверное, что они в безопасности. А между тем дом наш был видный, он возвышался — целых два этажа — над одноэтажными домиками. Еще он выделялся закрытым балконом и окошками, как амбразуры, по его сторонам. Все вместе, да еще темный, кирпичный цвет, напоминало крепость. Мама, и правда, превратила дом в крепость. Тяжелая, резная, сделанная из какого-то немислимо крепкого дуба дверь была задвинута тяжелым железным болтом. Такой же болт загораживал дверь черного хода. На окошках в парадной двери — железные решетки. Казалось бы, попробуй, подступись!

Подступились. Били прикладами ружей в дверь парадного входа, дверь не поддавалась. Сунулись во двор к черному ходу. Но и там то же самое.

Так продолжалось долго, и петлюровцы придумали: через жившую во флигеле мадам Маргулину они предъявили ультиматум — либо их впустят, либо они дом обстреляют.

- Пани, дорогая, - говорила маме мадам Маргулина. - Уступите, это интеллигентные люди. Они не причинят никаких неприятностей, только убедятся, что в вашем доме не хранится оружие, и удалятся.

- Пригласите этих интеллигентных людей к себе на чашку чая, мадам Маргулина, - отвечала мама. - А я, пока жива, их не впусчу!

- Так они же стрелять будут!

- Пусть стреляют.

И они стали стрелять. Сначала в парадную дверь, потом в окна второго этажа. Несколько пуль попало в гостиную, но все мы в столовой, где не было окон, лежали плашмя на полу.

И все-таки бандиты к нам проникли! Нас предала колбасница. Ее лавка находилась в нашем доме, и одна из дверей вела на лестницу черного хода.

Помню, послышался топот, кто-то сильным ударом распахнул дверь кухни и с криком:

- Не пуцали?! Всех расстреляем к такой-то матери! - в квартиру ввалилась банда.

Во главе ее был наш... дядя Петя!

- Дядя Петя! - обрадовалась незваному гостю Ривочка и со всех ног кинулась к бандиту, а тот подхватил ее на руки.

- Дядя Петя! — своим тонким голоском повторяла Ривочка, а он гладил ее по головке и приговаривал:

- Ах ты, моя малэнька, моя дивчинка гарнэнька...

Все, кто присутствовал при этой идиллической сцене, застыли в изумлении — никто ничего не понимал. Только я одна понимала.

Дело было в том, что мы с Ривочкой хорошо знали "дядю Петю" или, как его называла Наташа, Петро. Знакомство наше произошло в те дни, когда петлюровцы еще не разгулялись, вели себя спокойно. Наташа, как обычно, водила меня и Ривочку гулять и, как это нередко с ней случалось, приворожила парня, на этот раз... петлюровца. Он часто гулял вместе с нами, угощал меня и Ривочку конфетами монпансье, чем, естественно, заслужил нашу искреннюю симпатию. Петро был высокий, видный, над карими глазами черные брови вразлет, из-под шапки лихой чуб. Любил он негромко напевать украинские песни, нам с Ривочкой они очень нравились и Наташе тоже. Приятным теплым голосом напевал дядя Петя смешную песенку:

Дрибный дощик идэ,

А я в ямци сижу,

Нэ чэпайтэ мэни, хлопци,

Бо я мамке кажу!

Ривочка приставала:

- Что такое дрибный? Что такое нэ чэпайтэ?

И еще, и еще... Ривочку, как и меня, поразила фамилия дяди Пети: Рыжовый Квят!

- Что называется Рыжовый пят? - несла несуразицу Ривочка.

Петро разводил руками:

- А бис его знае! Тако фамилие, куды от нього подываиши?

Когда Петро напевал, глаза его затуманивались, и он смотрел на Наташу так, что сразу было видно — он ее любит. И нас с Ривочкой он тоже любил, Ривочка, она маленькая, так он ее даже на руках носил.

И вот этот Петро, который Рыжовый Квят, вдруг заявился к нам во главе своей банды, не подозревая, куда пришел. А Ривочка ему обрадовалась! Но тут появилась Наташа, и идиллическая сцена совершила крутой поворот.

- То ты, Петро?! — расвирепела она. - Ты шо, сказывся?! Трясця твоей матыри, ты куды пришов? Отдай дытыну! - Наташа рванула к себе заревевшую Ривочку. - А ну гэть! Гэть свидцыля!

- Та, Наталья, - лепетал Петро. - То ж моя работа... Я не повинен, начальство приказуе...

- Та шо це така за работа грабить да людей убивать? - возмутилась Наташа. - Гэть, шоб у тэбэ очи повылазыли! Тай швыдче!

- Погодь, Наталья, погодь, - вконец растерялся Петро и вдруг рявкнул: — Хлопцы! Шкоды нэ робыть! Тильки сбрую шукать!

Это означало: не грабить, не убивать, только искать оружие. И хлопцы шукали. Мама отворила - только бы они поскорее ушли - все дверцы буфетов и шкафов - откуда у нас оружие?

Петро попросил маму, вежливо назвав ее "пани", поговорить с ним о деле. А дело заключалось в том, что он, Петро, конечно, никого не позволит тронуть, но за ним могут прийти другие, увидят, сколько здесь собралось мужчин, и их всех перестреляют. Не избежать беды.

...Беды не избежали.

Вечером, когда наступила темнота, наши родственники-мужчины пробрались через выломанную в заборе доску в соседний двор. Там, в опустевшем доме, они спрятались в крайней комнате, закрыли ставни, дверь загородили буфетом. В соседней комнате остались тетя Бася и ее невестка красавица Хане-Лея. Не пошли никуда прятаться лишь двое мужчин, дядя Мойше-Меер и дядя Эли, по моему тогдашнему разумению, уже старенькие, лет по 50 им было.

Ночь прошла спокойно. А утром из соседнего двора послышались выстрелы. Туда помчалась бесстрашная Наташа. А потом... Потом Наташа вернулась черным ходом, села в кухне на пол, она была очень бледная и только сказала:

- Бабушку, бабушку и Хане-Лею - обеих убили, - и потеряла сознание.

На рассвете стреляли пушки. Нас будили, наскоро одевали, Ривочку еще заворачивали в одеяло, и все отправлялись в подвал к колбаснице. Там собирались жильцы со всего двора, шумели, спорили.

На рассвете следующего дня опять стреляли пушки. Но к этому уже привыкли, и все спали дома, подвал колбасницы уже пустовал. Мой маленький двоюродный брат Алик сказал, что если по утрам не стреляют, ему скучно.

В тот день пушки утром стреляли. Потом, когда они замолкли, в город вошла Красная Армия. Медленным аллюром двигалась по Киевской улице кавалерия. На лошадях самой разной масти покачивались в седлах красноармейцы. Но как они были одеты! Кто в старой гимнастерке, кто в потертом, а то и в рваном пиджаке, кто в длинном пальто, у кого на голове буденовка, у кого мятый картуз, а у кого даже шляпа. За кавалерией выступала пехота. Редко на ком были запыленные сапоги, чаще толстые башмаки и обмотки, серые, коричневые, всякие. Среди пехоты затесался... верблюд! Он выступал медленно, важно, свысока оглядывая толпившихся на тротуаре людей. Мы несколько не удивились верблюду, наверное, не удивились бы и слону, появись он на нашей улице, чего тогда только не бывало...

Вместе с Красной Армией в город пришла советская власть. Кончились грабежи, убийства, исчезли разгулявшиеся при петлюровцах хулиганы.

Советская власть стала отбирать у всех, кто считался хоть немного буржуем, богатства. На буржуев накладывали контрибуцию, а в отместку за "эксплуатацию трудящихся" заставляли подметать улицы, вывозить мусор.

До сих пор остается для меня тайной — какими деньгами брали у буржуев контрибуцию? Денег самых разных было в городе превеликое множество. Царские, всякие "екатеринки", хоть и упали в цене, но кое-кто их все-таки брал, на всякий случай. Курсировали деньги с изображением трезубца, их выпускал немецкий ставленник гетман Скоропадский. Керенского давно след простыл, а его деньги, "керенки" остались. Их листы шли полным ходом (впоследствии "керенками" за неимением обоев оклеивали комнаты). Не отставал от событий наш городской голова Пивоцкий — он тоже выпустил деньги, свои, городские, и они, представьте себе, шли. Мелкие деньги в виде марок, чуть побольше почтовых, почему-то называли "метелики". Метелики охотно принимала в оплату за воду из уличной колонки и за семечки хитроумная "коммерсантка" толстая Сурця.

Недалеко от нас между двумя домами стояла водопроводная колонка, единственный источник воды, в квартиры вода не подавалась. И вот Сурця, надев, несмотря на жару, телогрейку и поверх нее серый передник, поставила у колонки табуретку, водрузилась на нее и стала торговать самой обыкновенной водопроводной водой, один метелик за ведро. И, что удивительно, никто почему-то не возражал ей. И еще семечками и крошечными, завернутыми в маленькие кульки липкими конфетками торговала толстая Сурця.

Торговля у Сурци шла бойко, и, возможно, продлись это смутное время, когда весь Житомир стал городом миллионеров — все стоило миллионы, даже ириски, стала бы Сурця миллиардершей.

Когда в город входила Красная Армия, у всех домовладельцев реквизировали комнаты — для командиров и красноармейцев. У нас в доме поселили человек пятнадцать красноармейцев. Несколько человек разместились в маминой спальне. Там стояли кровати с инкрустацией, и, наверное, она очень нравилась красноармейцам. Они ножиками выковыривали инкрустацию, а блеск на свои сапоги наводили краями плюшевых портьер. Потом из этих портьер нам с Ривочкой сшили пальто.

Недели через две снова все переменялось. Город с его пустынными улицами, с затаившимися, наглухо закрытыми дверьми казался обреченным. В городе наступило безвластие, и что нас ожидало, никто не знал.

Сколько это продолжалось? День, два?..

Был вечер. Слегка приподняв штору, мама и тетя Хиня выглянули на улицу. Я бесшумно подобралась к ним и, привстав на цыпочки, посмотрела в окно. Улица была пугающе пустынна — ни одной души, никого. Ветер гнал по булыжной мостовой тучу сухого мусора. Большая вздыбленная газета мчалась, то взвиваясь, то обессиленно падая, кружилась, металась и опять мчалась куда-то. И тут показались трое. На головах у них были шутовские колпаки со свисающими на спину хвостами. Бунчуки... Форма банд гетмана Скоропадского...

В город снова вошли петлюровцы. И все началось сначала... Все это уже было: убийства, грабежи... Все уже было.

По проторенной дороге, через колбасную, к нам явились бандиты. Я хорошо помню их тупые лица, но почему мне кажется, что они были в касках? Так ли это? Откуда у них могли быть каски? Но запомнила я их именно в касках.

Ввалившись в столовую, где было много женщин, нас, детей, и только двое пожилых мужчин — дядя Мойше-Меер и дядя Эли, бандиты сразу уставились на них, на мужчин.

- А ну выходи во двор! - закричали они, показывая на них. - Выходи, выходи! Тай швидче!

Идти с ними во двор означало расстрел, это даже мы, дети, знали. Поднялся крик, плач, дядя Мойше-Меер заметался по комнате, дядя Эли, смертельно бледный, застыл, прислонившись к белой кафельной печи.

- Зачем они вам? - попыталась воззвать к бандитам мама. - Они уже старые, ничего плохого вам не сделали. Не трогайте их!

Бандиты не обратили никакого внимания на мамины увещевания.

- Выходи во двор! Выходи! Там разбэрэмся!

И тут мама придумала.

- Знаете что, — в это время она казалась совершенно спокойной, уверенной в себе. — Знаете что, лучше я вам дам деньги. Что толку, если вы уведете стариков, гораздо лучше получить деньги, купите на них, что захотите.

- А много дашь? - спросил бандит с красным опухшим лицом. - Сколько дашь?

- Все отдам, — сказала мама. - Сколько есть у меня денег, столько дам. Только вы не троньте стариков.

- Давай! — согласился бандит, и тут же его окружили остальные, они были полны жадного любопытства и нетерпения. - Давай гроши, давай! - говорил то один, то другой, они торопились.

Мама быстро выдвинула из буфета ящик, достала кошелек и все его содержимое отдала высокому бандиту, судя по всему, он был вожаком. Тот медленно пересчитал деньги, молча помял их в руках и произнес:

- Щэ. Дай щэ!

- У меня больше нет, - мама была очень бледна. - Это все, что у нас есть.

И тут подошел Базик.

- У меня есть немного денег, - сказал он и, вынув из кармана несколько купюр, протянул их бандиту.

- Цэ добрэ, - улыбнулся бандит, пристально вглядываясь в рыжеволосого Базика. Все обомлели: Базику было уже пятнадцать лет, он рослый мальчик, не задумал ли петлюровец и его тащить во двор?..

Но неожиданно бандит протянул руку, провел ею по волосам Базика и сказал:

- Чому ты, паныч, дома сидишь, не гуляешь?

В то утро, мы уже знали, на городской площади убили двух таких "панычей".

Бандит, довольный полученными немалыми деньгами, собрался спрятать их в карман. Но не тут-то было! На него налетела вся банда — о нас забыли, будто нас и не было, и началась драка. Кто-то уже вытащил пистолет...

Как нельзя вовремя вмешалась Наташа.

- Хлопцы! — крикнула она. - А, хлопцы! Айда со мной на кухню. Я все по справедливости меж вами поделю. Никого не обижу!

И "хлопцы" пошли за Наташей. Там, на кухне, они еще немного пошумели, потом притихли, видно, Наташа поделила доставшееся им богатство "по справедливости". И вот они уже затопали, громко переговариваясь, вниз по лестнице. Ушли, слава Б-гу!

Так были спасены, остались в живых дядя Мойше-Меер и дядя Эли.

Потом в город вошли белополяки.

- Только их нам не хватало, - скептически заметила мама.

- Конечно, лучше бы их не было, — согласился дядя Мойше-Меер. - Но поляки все-таки европейцы, безобразничать они не будут. Помнишь чехов?

Да, в нашем многострадальном городе побывали и откуда-то взявшиеся чехи. Побыли недолго и ушли, и все о них тут же забыли. Безобразий они действительно не творили.

Было ясное летнее утро. По хорошо видной с нашего балкона Киевской улице прохаживались нарядные люди, мужчин было мало, все больше женщины в дорогих платьях, в больших, украшенных искусственными цветами шляпах.

- У нас в городе живет много поляков, - сказала тетя Хиня, - они и встречают своих.

И вот они появились.

Шла кавалерия. Необыкновенной красоты, одинаковой масти, державшие строгое равнение кони - ни до, ни после я таких не видела. На лошадях сидели всадники в новехоньких мундирах с погонами, с блестящими в лучах солнца пуговицами, в конфедератках на головах.

Все это походило на театральное представление.

Я замерла от восторга — какие красивые лошади! И конфедераток я еще никогда не видела, они, как и лошади, поразили меня своей необычностью и красотой! Стоявшие на тротуарах нарядные женщины бросали под ноги красавцев-коней цветы.

Во всем этом было что-то непостижимое и... успокаивающее - погрома не будет.

Погром был. Но до этого... До этого все шло на редкость спокойно. Даже уличных перестрелок, к которым мы уже привыкли, и тех не было. Открылись магазины, лавки, потянулись на базары крестьянские подводы со всякой снедью, впрочем, сильно подорожавшей. На улицах было много народа, среди толпы выделялись франтоватые и чаще всего красивые польские офицеры в щегольских мундирах и конфедератках.

На дворе стоял уже год 1920-й. Мне должно было вот-вот исполниться девять лет, и мама разрешала мне гулять одной. Но только недалеко, чтобы, не дай Б-г, не заблудиться. Однако я хорошо знала город и гуляла там, где хотела. Больше всего мне нравилось гулять по Бердичевской. Это была главная улица города (недаром ее потом переименовали в улицу Карла Маркса), на ней было много магазинов с огромными блестящими на солнце витринами, по ней мчались пролетки, некоторые на дутых шинах, "дутиках". Интересная была улица.

Вот на эту улицу я и отправилась. Медленно шла я, рассматривая все вокруг, всех попадавшихся навстречу людей, наслаждаясь полной свободой.

Навстречу мне, помню, шагали, оживленно разговаривая, два офицера. Когда они оказались совсем близко от меня, к тротуару, переходя мостовую, приблизился старый бедно одетый еврей в длинном лапсердаке. И тут на моих глазах произошло нечто

невообразимое! Один из офицеров вдруг рванулся к старику, схватил его за длинную бороду и стал ее рвать: вверх-вниз, вверх-вниз! Голова старика качалась, как неживая, и сам он казался неживым со своими остановившимися, остекленевшими от испуга глазами. Мне стало очень страшно, и я побежала. Я мчалась изо всех сил. Бежала, не видя вокруг себя ничего, по Бердичевской, свернула на Михайловскую, оттуда на Гоголевскую. Я бежала так, будто за мной гнались эти жуткие офицеры и вот-вот они меня догонят! Задыхаясь от быстрого бега, я наконец прибежала на Московскую, теперь до дома было совсем близко.

- Мама! Мама! - закричала я. - Что они делают! Что они делают!..

Они многое делали. Они не только рвали бороды, они их поджигали, срезали, страшно подумать, вместе с подбородками. Они убивали. Часто, прежде чем убить, истязали. Эти "европейцы" оказались страшными изуверами. Среди многих других они убили и отца моего будущего мужа.

Город - в который раз! - затаился, был полон слухов. Говорили, что на Новостроении, так почему-то называли конец Московской улицы, расстреляли массу людей. Говорили, что их трупы привязывали к деревьям. Что было правдой, а что плодом безумной фантазии, отличить было невозможно.

- Это же не банды, это регулярная армия! - восклицал дядя Илия. - Такого не может быть!

Было. Это была регулярная армия бандитов и садистов.

Рассказывали, что много евреев, где особенно зверствовали лощеные бандиты, укрылось в... костеле! Войнство ринулось за ними в костел, но им навстречу вышел ксендз. Он стоял у ворот костела, высоко подняв большой крест. И бандиты отступили! Они не решились войти в костел, в подземельях которого нашли убежище сотни евреев. Да будет вечной память о том безымянном ксендзе!

...Слухи, слухи... Дождались и такого слуха: к городу приближается Красная Армия. И тут же другой слух, зловещий: белополяки, отступая, решили сжечь город! Говорили, будто решено поджечь его с трех сторон. Наиболее безопасной, отдаленной от огня будет Петроградская и прилегающие к ней улицы. И вот уже мимо наших окон потянулись к Петроградской возы с чемоданами, сундуками, даже кое-какой мебелью на телегах... Но мама решила никуда не ехать. Что будет, то будет.

В город действительно вошла Красная Армия, и, как будто, все стало спокойнее. У Базика уже давно болел позвоночник, надо было показать его хорошему врачу. Папа в это время жил и работал в Киеве. Вот мама с Базиком и поехали к нему. И вдруг в Киев вошла армия Деникина. Мы, отрезанные от родителей, остались без всяких средств к существованию. Тетя Хиня продавала свои вещи: платья, блузки... Но тогда деньги почти ничего не стоили, нужен был паек. А где его взять? Чем прокормить такую большую семью: Нона, я, Ривочка, Тетя Хиня, бабушка.

Однажды у Ноны собрались товарищи по музыкальному училищу. Все явились со своими инструментами. Они о чем-то долго говорили в гостиной, потом стали играть - настоящий оркестр. Бабушка ходила молчаливая, а у тети Хини покраснели глаза, и она тоже была мрачная, какая-то растерянная.

Я узнала, что Нона решил идти в Красную Армию!

- Нона будет красноармейцем? - очень удивилась я. - Но он же маленький!

- Дурочка, — улыбнулась наконец тетя Хиня. - Какой же из Ноны красноармеец? Ему всего тринадцать лет.

Выяснилось, что Нона и его друзья создали оркестр и уже договорились в штабе с буденовцами. Теперь оркестр репетировал, а через несколько дней он поедет куда-то вместе с полком. Есть было совершенно нечего, а в Красной Армии, говорили, дают неплохой паек. Мне было очень грустно, я не хотела, чтобы Нона уезжал, да еще туда, где воюют. А вдруг его убьют?!

Прошло несколько дней. Бабушка и тетя Хиня стали собирать Нону в дорогу. Завернули в бумагу несколько лепешек из отрубей, откуда-то взявшееся крутое яйцо, отсыпали в кулечек немного соли — соль у нас была на исходе, достать ее было негде.

Сколько верст исколесил ребячий оркестр вместе с буденовцами! Сколько холодных дней и ночей тряслись мальчишки вслед за армией! А какой праздник наступал, когда "оркестранты" возвращались да еще привозили с собой пайки! Тетя Хиня сразу становилась очень деловой и принималась делить эти богатства — всем поровну. В пайке бывали и мука, и крупа, и еще что-нибудь. Теперь мы уже не всегда бывали голодные.

Иногда Нона брал меня с собой в красноармейский клуб на спектакли.

Шла еще война, а в клубе ставили спектакли. Однажды в клубе было так много народа, что для нас с Ноной мест не хватило. Вдруг подошли к нам два красноармейца с веселыми глазами.

- А, наш главный музыкант! - показал один из них на Нону. —Пойдемте, как-нибудь устроимся.

Эти парни пришли раньше и заняли два места. Вот они и сели, а нас с Ноной усадили к себе на колени.

- Это наш самый главный музыкант! - сказал один из них своему товарищу. - Играет, заслушаешься!

И он четыре раза (я считала!) погладил Нону, "главного музыканта" по его светлым кудрявым волосам.

В городе обосновались большевики. Погромов, слава Б-гу, не было, но... Окно комнаты, где я спала, выходило в сад бывшего городского головы Пивоцкого, удравшего неизвестно куда. И в этом самом саду, в доме напротив, расположилась ЧК. И каждую ночь там раздавались одиночные выстрелы — это расстреливали "буржуев". Я слышала их, эти зловещие выстрелы, они до сих пор звучат у меня в ушах. В то время я еще не очень понимала, за что расстреливают богачей. Говорили, будто за ворованное, награбленное у трудящихся добро, у простых людей, значит. Но когда в ЧК убили мадам Бельман за мешок соли... Нет, сначала я не поверила! Но оказалось — правда.

Как же так, человека убить за соль?!..

РАССТРЕЛ

Ἰ ἐὸἀεῖ Ἀἀῶῶῶ

Для меня эта история началась летом 1994 года. Для тех же, о ком здесь пойдет речь она закончилась печальной зимою 1941-го...

В августе 94-го я приехал из Москвы в Крым на отдых к родителям. Квартира у них в Никите, поселке для сотрудников Никитского ботанического сада. Недалеко — ялтинский грузовой порт, куда отец, тогда он еще был жив, любил ходить рыбачить. Несколько раз к нему присоединялся и я, не для рыбалки, а так, прогуляться...

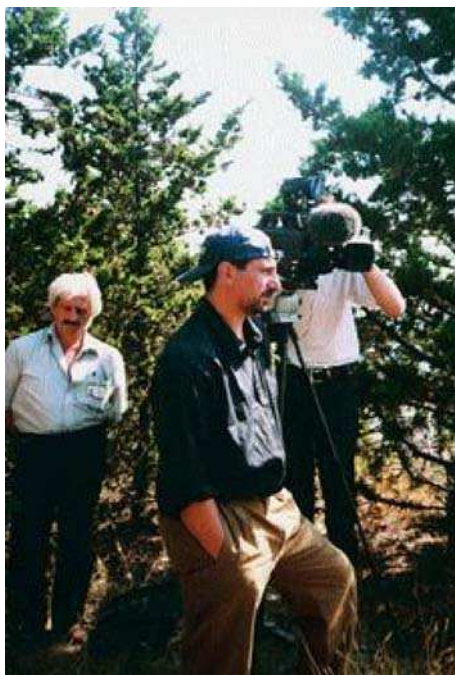
Однажды, пока отец договаривался о чем-то с рыбаками, я решил подняться по крутому склону вверх от порта к нижней ялтинской дороге. И первые же шаги меня потрясли: весь склон был усеян костями, черепами, истлевшей обувью, поломанными гребнями, расческами...

Я все-таки поднялся к дороге и увидел скромный побеленный обелиск со звездой, на котором прочитал: "Здесь в декабре 1941 года были расстреляны 2 тысячи мирных жителей Ялты".

«Неужели только что внизу я видел останки этих несчастных? — подумал я. — Ведь прошло уже больше 50 лет! И совсем рядом гостиница "Ялта"...»

Тогда я уже знал, что одним из основных специалистов по захоронениям военного времени в Крыму считается Василий Рыбка. Это очень забавный человек, прекрасный знаток Крыма — работал лесником, прекрасно знает историю полуострова — например по аланской пряжке может легко определить в каком кургане этот алан был похоронен... Вася — поэт, но главным его делом является поиск воинских захоронений.

Я не был знаком с Рыбкой, но в тот же день нашел его в Ялте, в маленькой квартирке на Партизанской улице. Оттуда мы вернулись к обелиску, и Вася рассказал мне все, что знал об этих костях и черепах...

Михаил Дегтярь (в центре) на месте расстрела ялтинских евреев.

Не раздумывая долго, я поехал в аэропорт и первым же рейсом улетел в Москву. Там в течение дня договорился на Российском телевидении, где я работаю, о командировке и на следующий день вернулся в Крым вместе с оператором.

Василий Рыбка за это время нашел уникальную свидетельницу, ставшую героиней фильма, который я назвал "Расстрел". Ее зовут Серафима Хаимовна Аршинова (девичья фамилия Флейшман), сегодня ей 84 года. Муж погиб при обороне Севастополя. Мать, обе сестры и их дети, всего 12 человек, были расстреляны около того самого склона над ялтинским торговым портом...

Мать Серафимы, Неха, не верила, вернее, не хотела верить, что немцы могут что-то с ними сделать. Сестрам, у которых на двоих было девять детей, тоже не хотелось эвакуироваться — на что-то надеялись... Одна из них, Ольга, могла спастись, но ее дети уже были в гетто, и бросить их она, естественно, не смогла.

Практически всех ялтинских евреев, более 4 тысяч человек, согнали в гетто, которое расположилось в одном из домов в центре города, недалеко от старого рынка...

В 1994 году я пришел с камерой в тот жуткий дом и двор. Там встретили меня украинские семьи, впервые услышавшие, что в их доме находилось еврейское гетто. Это были переселенцы из Западной Украины, заполнявшие "пустоты" после героического выселения из Тавриды крымских татар. Они поселились в бывшем гетто в 1948 году и утверждали, что ничего не знали.

Для узников ялтинского гетто жизнь кончилась в декабре 1941 года. Их вели по старой ялтинской дороге — в сторону Никитского ботанического сада. Там, у крутого склона их расстреляла зондеркоманда СС

10-а. Пулеметы, направленные в сторону моря, стояли на том самом месте, где расположились сейчас роскошные загородные дома. Когда я снимал первый фильм, этих домов еще не было, появляться они стали в 1996 году. Теперь там целый поселок, из

домов звучит веселая музыка, а окна выходят на место расстрела. Не просто расстрела, а одного из самых массовых расстрелов за всю историю СССР. Понимаю, что математика здесь неуместна и все же: в Бабьем яру расстреляли 100 тысяч человек в течение 2 лет. Примерно 4 тысячи человек в месяц. В Ялте же — 4,5 тысячи человек менее чем за месяц. Это место вполне могло бы стать в Крыму Центром памяти жертв фашизма

Серафима Аршинова вернулась в Ялту в 1944 году, сразу после освобождения города от фашистов. Она тогда работала в эвакогоспитале, сотрудники которого приняли участие в раскопках места расстрела. Серафима Хаимовна надеялась при этом опознать своих родных. До сих пор она не может сдерживать слез при одном лишь воспоминании об этом опознании... Тела уже разложились, одежда с них ползла, все было перемешано, и никому из родственников не удалось никого идентифицировать. Было принято решение оставить всех в этой яме — лишь присыпать землей.

Аршинова и другие родственники обратились тогда к властям города с просьбой установить памятник на месте расстрела. Но и тогда к евреям власти относились не намного лучше, чем сегодня, и от этой просьбы отмахнулись. Женщина сама начала сбор денег. И, что удивительно, их давали даже те, чьих родственников не расстреливали. Нашли скульптора, который разработал проект, и памятник был установлен. Когда же встал вопрос о надписи на памятнике, власти сочли нужным вмешаться — они потребовали... уменьшить в два раза истинное количество зверски уничтоженных людей. Так было принято официальной идеологией — занижать число жертв. Считалось, что врагам коммунистов совсем не обязательно знать, насколько ослабла социалистическая Родина. И на памятнике вместо четырех с половиной тысяч указали две тысячи.

...Вначале за общей могилой ухаживали, но постепенно уходили из жизни родственники погибших, и место расстрела осталось беспризорным. Проснулся подверженный оползням склон. Могила стала сползать к морю, земля выталкивала останки, чем немедленно воспользовались мародеры. В прахе мертвых искали золотые коронки, монеты, какие-то сохранившиеся вещи погибших. Мародерство — очень популярное в Крыму занятие, есть среди мародеров специалисты очень высоко класса. Мне удалось встретиться в симферопольской тюрьме с одним из таких профессионалов, которого милиция застала во время раскопок на месте расстрела. Этот мерзавец ни в чем не раскаивался. "А что? — удивился он. — Этих евреев, знаешь сколько там валяется? Ни гробов, ничего, — все это мусор! Не надо было столько денег грести! А то как захочется войти в царство небесное, кто же с таким богатством пустит? Знаешь, хорошо евреев раскапывать, у них золотых зубов много..." У него был кличка "Гроб". После освобождения из колонии он вскоре опять сел — попался на той самой могиле...

Еще в 1994 году я обратился с экрана Российского государственного телевидения за помощью к посольствам трех стран — Германии, Израиля и Украины. Германии, потому что это немецкие пули разрывали сердца тех, чьи кости валяются недалеко от гостиницы "Ялта", Израиля — погибшие были евреями, Украины — Крым находится сейчас на территории этого государства. Реакция посольств была нулевой. Никому не было дела до заброшенной могилы в Массандре.

С.Х. Аршинова готовится к интервью в программе “Зеркало”.

Серафима Аршинова сама неоднократно обращалась к властям Ялты и Крыма с просьбой заняться памятью погибших, перезахоронить их и установить достойный памятник. Но ответили ей только один раз, еще в советское время, из Комитета по охране памятников при Крымском облисполкоме. В письме было сказано, что на захоронение и установку памятника нет средств. Но уже тогда у Ялтинского горисполкома нашлись деньги на строительство ресторанов — один из них, на Ласточкином гнезде, был в те годы самым дорогим и престижным в области. Нашлись деньги, чтобы достойно и с соблюдением всех воинских почестей захоронить гитлеровских солдат, погибших в Крыму, этот немецкий мемориал находится всего в полутора километрах от места расстрела ялтинских евреев — рядом с метеостанцией поселка Никита. А совсем недавно коммунисты, вновь пришедшие к власти в Крыму, нашли деньги на памятник, не имеющий, по-видимому, аналогов на всей территории бывшего Советского Союза, — в Симферополе установлен бюст одному из бывших первых секретарей обкома партии. По самым скромным подсчетам, памятник вождю крымского пролетариата обошелся Государству Украина в несколько десятков тысяч долларов. А у могилы в Массандре по-прежнему валяются черепа и кости...

В инструкциях для зондеркоманд СС сказано, что необходимо заботиться о немедленном захоронении трупов. Жаль, что в инструкциях крымских властей об этом нет ни слова.

...Летом 1998 года я снова приехал с камерой на то же самое место, чтобы снять репортаж ко Дню памяти жертв фашизма для программы Российского телевидения "Зеркало". Приехал, чтобы посмотреть — что изменилось? Ничего не изменилось.

И тогда я обратился с телеэкрана уже к евреям-предпринимателям и к евреям-политикам. Рассказал всю историю и закончил так: "Этих людей убили только потому, что они были евреями. Не хоронят их по этой же причине. Крымским властям нет никакого

дела до заброшенных еврейских костей. И потому я обращаюсь к тем банкирам и политикам, которые уже научились не краснеть при упоминании их национальности. Похороните этих людей достойно и докажите, что вы имеете право причислять себя к еврейскому народу!"

Никто не откликнулся.

P.S. Ôèèù "Dàññòðàè" ìíèàçúíàèè ìí Dññèéñèíí ó òàèèèèááíèþ íà ì áíáá 10 ðàç. Íí ìíèó:èè ìðàì èþ ì àèáóíàðíáííã òàèèèèçèííííã óáñðèèèè "Çíèíðíé ìáññ", à á 1995 ãáó ý — òíèùèí çà ôèèù "Dàññòðàè" — áùè ìðèíýò á Ñíþç èèíáì àòíáðàòèñòíá Dññè. Ýòí áùè ìáðáíé ñèó:àé çà áþ èñòíðèþ Ñíþçà èèíáì àòíáðàòèñòíá èíáá á íáñ ìðèíýèè ðàèèññáðà íà ìñíááíèè 13-ì èíóðíé òàèèèèçèíííé ìáðáá-è. Í:áèèáí, ÷òí ñááíó ôèèù à "Dàññòðàè" ì íæíí ñ-èòàòù óáá-ííé, áíòèè-èáíò áñ áðíáá è ñááíú èõ ìáì ýòè.

Польшу Иосиф решил немного отдохнуть и повидаться с родителями. У тех в то время гостил близкий друг отца раввин Залман из-под Варшавы со своей дочерью Соней. Встреча молодых людей, юноши с красивым одухотворенным лицом и девушки, воссоздающей образ библейской Эсфири, определила их судьбу. Соня Лурье также происходила из семьи потомственных раввинов, в роду ее отца насчитывалось около десяти их поколений. С соблюдением всех религиозных обрядов молодая пара вскоре стала семьей, их семейная жизнь была счастливой, но недолгой.

Испытывавший большой интерес и к светским наукам, понимая, что поступить в университет в Польше или России ему будет нелегко из-за жесткой процентной нормы, Иосиф после Варшавы решил попытать счастья в Германии. Пройдя без большого труда подготовительный курс, он с первого же раза поступает на факультет философии и теологии Берлинского университета, экстерном сдает ряд экзаменов и получает университетский диплом с отличием. Теперь он может целиком посвятить себя религиозному служению, в котором видит свое предназначение. С женой и маленьким сыном Залманом, названным в честь отца жены, Иосиф возвращается в родные места, в белорусский городок Лепель, большую часть населения которого составляли евреи. Здесь началась его активная раввинская деятельность, продолжавшаяся до 1916 года. Все это время он неустанно трудится над созданием местной религиозной общины и восстановлением синагоги. Совмещая обязанности духовного и казенного раввина, он всегда в центре еврейской жизни, всегда с людьми, и в горе, и в радости, всегда главный советчик. Его дом полон людей, у всех к нему какие-то неотложные дела, и он рад протянуть руку помощи каждому на первый же зов, готов помочь любому, в том числе материально, хотя денег у него далеко не достаточно и на нужды собственной семьи. А она, семья, постепенно увеличивается, рождаются еще два сына, Гиршл и Наум, дочь Роза. Он одинаково легко находит общий язык как с умудренным жизненным опытом стариком, так и с ребенком, у каждого после беседы с ним на лице долго сохраняется улыбка...

Слава раввина Иосифа распространяется далеко за пределы белорусского городка. Ему предлагают на выбор место главного раввина в крупных российских городах — Саратове и Астрахани. Он останавливает свой выбор на Саратове, многонациональном городе, где тогда практически не существовало организованной еврейской жизни. Трудно передать эмоциональное состояние лепельчан, узнавших о предстоящем отъезде их раввина. Люди плакали и в то же время искренне радовались его заслуженному успеху. В доме Богатиных буквально не закрывались двери, каждый старался чем-то помочь своему другу раввину, дать ему житейский совет, опасаясь, что этот великий человек оторван от реальных жизненных проблем. Кто-то, напротив, спешил посоветоваться с мудрым раввином впрок.

Незаметно подкрадывается октябрьская революция, смута охватывает большие и малые города России, и, естественно, больше всего в этих условиях, как всегда, страдает еврейский народ. Сознывая свою ответственность перед лепельскими евреями, которые в условиях наступившей неразберихи, частой смены властей, бандитских набегов нуждались в его помощи, он отказывается от переезда. Раввин делал все возможное, чтобы защитить еврейское население городка, прятал людей, доставал для них новые документы. Ему это удавалось благодаря сложившимся в "спокойные времена" добрым и деловым отношениям с главами православной и католической конфессий городка. Старожилы еще лет 15 назад рассказывали мне, его внуку, о подвигах деда по спасению евреев Лепеля от преследовавших их в тот период бед. Многие еврейские семьи с документами, добытыми раввином, по его совету покидали этот маленький городок, где скрываться от "зеленых", "синих", "белых" и других банд становилось все трудней.

Старик, которому к моменту нашей встречи исполнилось лет 85-87, рассказал мне удивительную историю. Речь шла о том, как раввин Иосиф вырвал из лап смерти еврейскую семью, непонятно каким образом убедив одурманенного ядом антисемитизма офицера отпустить ее. Офицер не только откликнулся на просьбы раввина, но и долго еще с ним беседовал, а в конце поклонился ему и поцеловал руку. Велика, вероятно, была сила праведника, заложенная в его душе, если подвластными ей оказывались и злейшие враги еврейского народа.

Лишь после того как большую часть намеченного раввином удастся ему выполнить и становится ясным, что находиться в городке ему просто опасно, он по совету оставшегося к этому времени здесь немногочисленного еврейского населения решает уехать в Саратов. С ним покидают Лепель несколько еврейских семей, совершенно лишенных каких-либо средств к существованию. Провожать раввина на станцию вышли не только евреи, но и белорусы, поляки, русские. Этому человека уважали и любили люди маленького городка независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

С большими трудностями семья раввина добирается до Саратова, превратившегося из благополучного в прошлом купеческого города в измученный революцией и гражданской войной город, полный нищих, оборванцев, беспризорников, встречались среди них и представители нашего народа. И в относительно спокойные времена еврейская жизнь в этом большом волжском губернском городе протекала незаметно и тихо, не проявляя себя никаким образом. Теперь же она и вовсе не давала о себе знать. Люди жили в обстановке постоянного страха за свою жизнь и жизнь своих близких; все храмы многонационального города, церкви, кирха и особенно синагога, ждали перемен, увы, не к лучшему. Их помещения осквернялись, а чаще использовались под склады, казармы и т.п.

К моменту приезда раввина Иосифа в Саратов в здании городской синагоги разместилось какое-то государственное учреждение. В городе не существовало даже легального молельного дома. Все надо было начинать с нуля, да еще в такое тяжелое время. Раввину предстояла поистине титаническая работа по воссозданию еврейской жизни в городе. Прежде всего надо было установить возможные деловые связи с властями, с главами православной и католической конфессий города, пребывавших примерно в таких же условиях. Приходилось преодолевать бесконечные препятствия в отнюдь не гостеприимном, особенно для еврейского просветителя, городе. И все же ему удастся, прибегая к разного рода ухищрениям, шаг за шагом продвигаться вперед, закладывать фундамент еврейской жизни в этом большом и противоречивом в национальных отношениях городе.

В этот период раввина постигает неожиданная беда. Семья его родителей оказывается разделенной колючей проволокой вновь создаваемых вследствие политического передела мира межгосударственных границ. Советская Россия закрывает свои границы, и часть семьи, включая родителей и младшую сестру, а также многочисленные родственники попадают в Польшу, тогда как он сам, раввин Иосиф, со своей семьей и его сестры Соня и Цилия, студентки медицинского факультета Варшавского университета, переехавшего к тому времени в Ростов-на-Дону, остаются в России. Тем, кто попал в Польшу, удастся избежать политические репрессии, впоследствии же они будут зверски уничтожены фашистами, их живыми закопают в старых окопах. А раввин Иосиф и представить себе не может, на какие лишения и страдания обречена его семья в недалеком будущем. Но это еще впереди, а пока раввин занят своей религиозно-просветительской деятельностью, и Всевышний вознаграждает его.

В одном из окраинных районов Саратова раввину Иосифу удается создать маленький молельный дом, где стали загораться субботние свечи. На их Б-жественный свет из разных районов большого города потянулись евреи. Постепенно этот дом сделался местом встреч не только Субботы, но и всех религиозных еврейских праздников, интереснейших встреч и бесед раввина с прихожанами. Расширяется круг деятельности раввина — от встреч, бесед, обмена мнениями и советов к реальной, практической помощи нуждающимся. При сложившейся небольшой общине образуется поначалу весьма скромный общественный фонд помощи со своим казначеем, помогавший хоть как-то сводить концы с концами остро нуждающимся еврейским семьям, семьям, успевшим уже потерять на войне своих кормильцев, больным и инвалидам. Достигнутое, пусть малое, вдохновляло раввина на новые усилия, можно сказать, по тем временам — на подвиги. Он мечтает возродить в Саратове синагогу, вернуть верующим красивое здание хоральной синагоги, расположенное в центральном районе города. Не отчаиваясь и уповая на Б-га, раввин стучится в двери разных бюрократических организаций и, когда практически все надежды уже были утрачены, получает разрешение на открытие синагоги. Нет, это не была старая синагога — ему предложили полуразрушенное здание, абсолютно не предназначенное для синагоги, вероятно, надеялись, что он откажется от своей идеи. Раввин же был так счастлив самому факту разрешения, что и не пытался сразу оценить сложность стоящих перед ним проблем, которые не могли не возникнуть в то голодное и холодное время.

Жена раввина Соня.

Окружив себя небольшой, но надежной группой сподвижников, раввин приступает к решению этих проблем. Среди прихожан молельного дома разыскивают строителей, каменщиков, маляров, штукатуров и т.д. Разрабатывается проект будущей синагоги, с огромными трудностями приобретаются дефицитнейшие строительные материалы. Энтузиасты не знают отдыха ни днем, ни ночью. И практически разрушенное здание медленно, но верно начинает принимать цивилизованный вид.

Тяжелая работа продолжалась несколько лет, и все это время раввин Иосиф большую часть своего времени проводит с безвозмездно работающими людьми, беседует с ними, сам выполняет любую грязную работу. Кто-то замечает, что не к лицу это раввину, а он объясняет, что не может быть грязной работы там, где воздвигается Храм, где вскоре зажгутся субботние свечи, зазвучат молитвы, обращенные к Б-гу. По свидетельству очевидцев, раввин тогда постоянно пребывал в приподнятом настроении, не ощущал усталости, хотя затраты физических и эмоциональных сил его были

огромными. И все это время он, разумеется, не прекращает своей активной религиозно-просветительской деятельности.

Наконец наступает день, вернее вечер, когда для встречи Субботы евреи Саратова, не все знакомые друг с другом, со счастливыми улыбками и словами "Гут Шабес" входят в здание своей синагоги и сразу же ощущают на себе согревающее сердца тепло, свет зажженных еврейскими женщинами субботних свечей. Их приветствует раввин Иосиф, главный "виновник" происходящего в этот день (вечер).

Люди, кто-то вновь, а кто-то впервые, приобщались к святым заповедям, что очень важно для народа-изгнанника, народа, вечно "чужого" для других народов, всегда и везде несущего на себе маску "козла отпущения", особенно в тяжелые, смутные времена, а именно такие переживала тогда Россия. Люди снова почувствовали себя людьми, обрели какую-то уверенность в будущем, и все это благодаря возрождению храма. Отклик своим внутренним ощущениям, своим надеждам они находили во взглядах раввина Иосифа, обращенных ко всем им вместе и к каждому в отдельности. Он видел, чувствовал, что помог людям собраться с духом, и это его радовало, хотя в душе он уже начинал понимать, что все эти небольшие отступления власти носят временный характер, что страну и проживающие в ней народы ждут тяжелые испытания.

Известно, каким было отношение советской власти к служителям культа, а к проповедникам иудаизма тем более. Однако раввин Иосиф радовался тому, что добился, что ему удалось сплотить евреев Саратова, приобщить их к исполнению религиозных обрядов, обратиться к своим корням. Он часто встречается с прихожанами, выслушивает каждого, отвечает на вопросы, приходит на помощь в трудной ситуации. Это, естественно, рождает ответные чувства, большинство прихожан готово оказать посильную помощь раввину во всех его начинаниях.

А в семье раввина уже растут три сына, Залман, Гиршл и Нохум, дочь Роза. Отцу предстоит пройти через новое испытание: старший сын, Залман, получивший университетское образование, решает покинуть Россию, уехать в тогда еще подмандатную Британию Палестину. Раввин, обладая глубоким аналитическим умом, не только правильно оценивал социально-психологическую обстановку в России того времени, но и прогнозировал ее развитие в недалеком будущем. Поэтому, как ни тяжело ему было расставаться с сыном, он в глубине души одобряет принятое им решение. Залману удалось покинуть Россию. Скоро ворота Палестины были наглухо закрыты.

Благословив сына, раввин Иосиф продолжает свою подвижническую деятельность в России, в Саратове. В семье рождается еще один сын — Хаим. В это относительно спокойное время раввин отдается и научным изысканиям. Он продолжает глубоко изучать Тору, много пишет, хотя понимает, что его труды не могут выйти в свет в советской России. Рискуя жизнью и благополучием членов своей семьи, он с большим трудом переправляет часть материалов за границу — в США, Англию, где некоторые из них были опубликованы. К сожалению, большинство его трудов утеряно. Что-то оставалось в семье дочери, но во время так называемого дела врачей было уничтожено.

Раввин часто выезжает из Саратова в другие крупные города — Ленинград, Москву, Ростов-на-Дону, где общается с раввинами этих городов, беседует с прихожанами.

Однако время неумолимо движется вперед, приближая черный 1937 год, который принес неисчислимое горе народам страны, год безжалостной расправы с

религией, не обошедший своим кровавым вниманием и многострадальный еврейский народ. Но пока еще он не наступил, раввин Иосиф, как всегда, весь в работе, всегда с людьми, всегда захвачен их проблемами, на его умном, благородном лице признаки озабоченности и сострадания. В его собственной семье с огромным трудом неукоснительно соблюдаются все традиции и обычаи еврейского народа.

Свою семью создает сын Гиршл, а дочь Роза случайно встречается у родственников с приехавшим в Саратов из Нижнего Новгорода в научную командировку талантливым молодым ученым медиком неврологом-нейрохирургом доктором Ильей Беньковичем, в последующем известным профессором, доктором наук, действительным членом нескольких зарубежных академий, возглавлявшим ученые советы и кафедры в ряде медицинских институтов. С одной стороны прекрасная еврейская девушка, воспитанная в патриархальной еврейской семье, с другой — современный молодой ученый, не избежавший влияния новых веяний, отчетливо представляющий себе степень риска встреч с дочерью служителя культа, понимавший, как это может повредить его успешной научной карьере. Тем не менее Илья Бенькович часто навещает в Саратов, при этом все более теплыми становятся его отношения с Розой, его будущей женой, моей матерью, и с ее родителями. Огромная роль в достижении взаимопонимания между молодыми людьми, Ильей и другими членами семьи Богатиных, принадлежит моему деду раввину Иосифу, умевшему находить общий язык с людьми независимо от степени их образования, рода занятий и взглядов. Помимо личных качеств, помогало его блестящее светское и религиозное образование, постоянно им совершенствуемое. Иногда днями и ночами длились беседы раввина с молодым ученым, занимавшимся разгадкой тайн деятельности человеческого мозга. В лице раввина Иосифа Илья Бенькович находил достойного и хорошо осведомленного в этой сложнейшей области знаний собеседника и оппонента. Дело в том, что будущий тесть не укладывался в сформировавшиеся у людей стандартные образы священнослужителей. Отец рассказывал, что в своих беседах с дедом он никогда не ощущал ни психологических барьеров, ни разницы в возрасте, профессиях, воззрениях. Илья и Роза поженились, и дочь раввина переехала к мужу в Нижний Новгород.

И вот наступает зловещий 1937 год. Тучи стремительно сгущаются над головой раввина Иосифа. В одну из ночей они, одетые в черную кожу, явились. Повальный обыск продолжался около 20 минут, а казалось, целую вечность. Иосифу Богатину приказано быстро одеться, и, свалив в принесенные с собой мешки многочисленные книги и рукописи раввина, не реагируя на обращенные к ним вопросы, а иногда не по существу односложно отвечая на них, "гости" уводят деда в неизвестном направлении, уводят в вечность, из которой ему уже никогда не суждено вернуться к людям, с которыми навсегда остались его заповеди и сердце, переполненное безграничной любовью. Все попытки в дальнейшем узнать что-либо о его судьбе оказываются тщетными. В Саратов приезжает семья дочери раввина с маленьким ребенком. Доктор Илья Бенькович неоднократно обращается в управление НКВД и не получает никаких вразумительных ответов, ему лишь недвусмысленно и многозначительно советуют умерить свою любознательность.

Жизнь продолжается уже в новом качестве — жена раввина и ее дети становятся лишенцами со всеми вытекающими отсюда последствиями (работа, учеба и т.д.). Это была уже жизнь изгоев. Ребецн Соня после перенесенных ею эмоциональных потрясений заболевает тяжелой формой гипертонической болезни и оказывается практически прикованной к постели. И важно отметить, что в это время семья раввина почувствовала ответное тепло человеческих душ, ранее исцеленных и согретых раввином

Иосифом. Люди помогали кто чем мог, пренебрегая риском, которому подвергались все отваживавшиеся общаться с членами семьи лишенцев, семьи врага народа.

Сыновья раввина Гиршл и Нохум, работавшие до 1937 года в американской организации "Джойнт" и активно занимавшиеся благотворительной деятельностью, вскоре также оказываются в застенках НКВД. С сильно подорванным здоровьем они были освобождены уже после окончания Отечественной войны. Младший, Хаим, талантливый молодой человек, сумел уехать из Саратова и даже окончить медицинский институт, а затем еще и биофак университета. Однако постоянное недоедание, а иногда и просто голод, тяжелый физический труд, совмещаемый с учебой, чувство постоянного эмоционального напряжения (угроза разоблачения) сделали свое дело. Он заболевает туберкулезом и совсем еще молодым уходит из жизни.

В верхнем ряду слева направо: раввин Иосиф Богатин, его сын Нохум, дочь Роза, сын Гиршл;

внизу: сын Хаим, жена раввина Соня, старший сын Залман.

Никаких известий о судьбе раввина Иосифа не удалось получить и после войны. Все запросы в НКВД по-прежнему оставались без ответа. Из частных источников, от людей, прошедших Гулаг, доходила информация о том, что раввин работал на лесоповале, соблюдая все религиозные обычаи, практически голодая. Рассказывали, что несмотря на его иудейское происхождение, его любили зеки разных национальностей. Национальность его никого не раздражала, отступила на задний план. К нему часто обращались за советом, ему доверяли свое сокровенное, называли его "священником для всех", посланцем неба. Он успокаивал людей, вселял в них надежду, которую они давно потеряли, его доброта помогала им существовать в этих нечеловеческих условиях. Люди старались по возможности помочь "отцу Иосифу", порой делились с ним последним куском хлеба. Можно было наблюдать раввина сидящим на поваленном дереве, в центре толпы, увлеченно его слушавшей, причем среди окружавших его людей бывали не только заключенные, но и охранники, люди-звери, на лицах которых иногда появлялась не свойственная им улыбка, придававшая им человеческий облик. очевидцы рассказали, что раввин погиб, попав под падающее дерево, — очень ослабленный он не успел отскочить в сторону. Я не знаю, случайно ли это произошло или так было задумано местным начальством; не знаю, все ли это соответствует действительности, достоверна ли эта информация. Не сомневаюсь я лишь в одном: дед никогда, в самых тяжелых, просто нечеловеческих условиях не изменял святым для него принципам и всегда, в радости и в горе, помогал людям, вселял в них веру и надежду, ибо в этом и было его великое предназначение, предназначение проповедника и праведника.

Жена раввина Иосифа, моя бабушка, вскоре после окончания войны с сыном Нохумом переезжает в подмосковную Малаховку. Уже тяжело больная, после перенесенного инсульта, она до последнего дня не теряла надежды узнать что-либо о муже. К ней часто приезжают дочь Роза с мужем, к этому времени уже известным ученым, профессором неврологом-нейрохирургом, который лечит ее, делает все возможное, чтобы продлить ей жизнь. Прах моей бабушки покоится на малаховском еврейской кладбище. На этом же кладбище будут похоронены и мой отец профессор Илья Бенькович, и моя мама — дочь раввина Иосифа Роза Бенькович-Богатина.

Мои попытки прояснить судьбу деда завершились следующим. Я получил из саратовского КГБ справку, в которой сообщалось, что Богатин И.Я. был судим тройкой при НКВД как служитель культа и осужден на 10 лет заключения без права переписки, место заключения не указывалось. Мне выслали и копию свидетельства о его смерти, где сообщалось, что он умер от инфаркта миокарда уже в тот период, когда, по рассказам сокамерников, его уже не было в живых. На вопрос о месте его погребения я ответа не получил. Круг замкнулся, и единственное, что я мог сделать, это вместе с моей сестрой, внучкой раввина, ученым-биохимиком Евгенией Бенькович, установить скорбную доску на могиле его жены на малаховском кладбище...

Раввин Иосиф Богатин без остатка отдал свою жизнь людям и Всевышнему. Безусловно, он мог бы сделать еще многое, если бы не злая судьба и страшное время.

Быть может, утешением для бессмертной души раввина Иосифа является то, что его наследники ныне покойные дочь Роза, сыновья Залман, Гиршл, Хаим и зять Илья, здравствующие сын Нохум, внучка Евгения, внук Борис и правнучка Изабелла чтит и всегда будут чтить его светлую память, следовали и будут следовать его заветам, канонам иудаизма.

ПО МАТЕРИАЛАМ ЕТА

По данным Еврейского агентства для Израиля, российская эмиграция в Израиль за первый квартал 1999 года выросла на 116%. За первые три месяца нынешнего года в Израиль приехали 7.933 российских еврея. В 1998 году за это же время эмиграционный поток составил 3673 человека. Более 30% из 1054 опрошенных эмигрантов назвали антисемитизм как одну из основных причин, подвигнувших их на отъезд из России. До экономического кризиса, разразившегося в стране в августе 1998 года, аналогичный опрос показал, что только 9% эмигрантов движимы страхом перед антисемитизмом. Всего из республик бывшего Советского Союза в Израиль в первом квартале сего года приехали 16389 человек. В 1998 году этот показатель составлял 13336.

Израиль всегда признавал еврейское происхождение и соответственно право на репатриацию 2500—3000 кварских евреев, но по непонятным причинам они не попали в официальные списки эфиопов, которых по авиакоридору доставили в Израиль в начале 90-х годов.

Ситуация еще более осложнилась в прошлом году, когда израильские иммиграционные службы прекратили свою деятельность в Эфиопии. В эфиопском городе Годар около зданий, где размещались эти организации, в надежде получить разрешение на въезд в Израиль продолжали собираться кварские евреи и более 15000 фалашей, чье еврейское происхождение Израилем так и не признается.

В своем письме к Нетаниягу от 9 июня исполняющий обязанности директора Еврейского агентства для Израиля Салай Меридор описал "ужасные условия", в которых живут эфиопские евреи, и призвал срочно решить, кто же из них все-таки имеет право на алию. До этого с такими же призывами обращались разные деятели в разные инстанции. Еще в феврале министр абсорбции обещал, что ежемесячно в Израиль будут въезжать не менее 200 кварских евреев. И только сейчас министр внутренних дел отдал приказ ежемесячно рассматривать по 1000 дел эфиопских претендентов на алию.

Некоторые источники утверждают, что решено за ближайшие три-четыре месяца перевезти в Израиль всех евреев провинции Квара, желающих совершить алию.

Пресс-секретарь Еврейского агентства для Израиля Михаэль Янкелевич сообщил, что рассмотрены заявления 1000 кварских евреев и их уже перевезли из Гондара в Аддис-Аббебу, откуда они вылетят в Израиль в начале этой недели.

Однако никаких широкомасштабных кампаний по вывозу евреев Квара, подобных тем, какие проводились в начале 90-х, на сей раз не будет. Посол Израиля в

Эфиопии предупредил, что такая кампания может вызвать недовольство эфиопского правительства.

Новых иммигрантов из Эфиопии в Израиле безусловно ждут. В Мевассерет Цион уже открылся центр абсорбции, готовый принять 1000 человек, а другие центры в общей сложности на 2000 мест готовятся к открытию.

Недавно 67 евреев из эфиопской провинции Квара были доставлены в израильский аэропорт имени Бен-Гуриона. "Это первый из 40 рейсов, которые мы намерены организовать в ближайшие 40 недель для доставки в Израиль 3800 кварских евреев", — сказал Михаэль Янкелович.

25 июня премьер-министр Израиля Эхуд Барак провел первые назначения в будущем кабинете, подписав коалиционные соглашения с партией "Израэль ба-Алия" и национально-религиозной партией. Натан Щаранский теперь возглавит министерство внутренних дел, что было обещано ему еще до выборов, Юлий Эдельштейн станет заместителем министра абсорбции иммигрантов с "расширенными полномочиями". Пост министра абсорбции Барак оставляет за собой.

Лидер национально-религиозной партии Ицхак Леви возглавит министерство жилищного строительства, а его помощник Шауль Ялом займет пост заместителя министра просвещения.

Лидеры партии "Израэль ба-Алия" считают, что представители партии ШАС, которые раньше контролировали МВД, "дискриминируют" репатриантов из СНГ. На лозунге "МВД — под наш контроль" и была построена предвыборная кампания "русской" партии.

Правительства и общественные деятели разных стран мира добиваются освобождения 13 иранских евреев, обвиненных в шпионаже. Арестованным грозит смертная казнь.

Первые пять арестов произведены в январе с.г., еще восемь — в конце марта. Довольно долго арестованным не предъявляли никаких обвинений, и еврейские организации пытались средствами тихой дипломатии повлиять на Тегеран, добиться освобождения задержанных. Некоторые сигналы, поступавшие из иранской столицы, вселяли надежду.

И совершенно неожиданно, после потока разноречивых сообщений в прессе, иранские власти обвинили всех арестованных евреев в шпионаже в пользу Израиля и Соединенных Штатов, что "при определенных обстоятельствах карается высшей мерой наказания".

Глава американской федерации иранских евреев в Лос-Анджелесе Сэм Керманиан считает обвинение совершенно нелепым. "Никто не будет вербовать шпионов среди группы населения, находящейся всегда на виду, под неусыпным наблюдением властей, — сказал он. — Кроме того, любое недружественное коррумпированному Ирану государство может легко обзавестись шпионами, многие согласятся работать на западную страну за какую-нибудь тысячу долларов в месяц".

Кто же эти арестованные?

Жительница Калифорнии Насрин Джавахериан — сестра 49-летнего Нассер Левихайма, самого старшего из задержанных. Вначале ей не сообщали об аресте брата, работавшего менеджером электрической компании в Ширазе. У него трое детей, младшему из которых полтора года. По мнению Насрин, его задержали только за то, что в свободное время он давал уроки иврита. В тюрьме свидания не разрешены. Лишь раз в неделю можно передавать кошерную пищу. Но уверенности, что еда попадает к заключенным, нет.

Среди арестованных 16-летний религиозный еврей, которого увели в тюрьму прямо из школы. Преступления арестованных состоят в преподавании иврита и традиции, в открыто высказанном желании закрывать свои предприятия по субботам.

Многие наблюдатели недоумевают, зачем Ирану понадобилось арестовывать евреев именно тогда, когда президент страны Мохаммед Хатами дал понять, что намерен улучшить отношения с Западом. Сэм Керманиан убежден, что все дело в борьбе за власть между умеренными иранцами, руководимыми Хатами, и рьяными фундаменталистами.

Политические лидеры США, Израиля, Германии и Франции уже вступили в борьбу за освобождение заключенных. Предпринимаются усилия, чтобы привлечь к этой борьбе Италию, Испанию, Великобританию, Голландию и другие страны Европейского Союза, Организацию объединенных наций, Ватикан, Японию и Канаду.

Известный религиозный деятель Джесси Джексон встретился с национальным директором Лиги по борьбе с диффамацией Авраамом Фоксманом и родственниками некоторых задержанных в Лос-Анджелесе, где живут 30000 из 50000 американских иранских евреев. Фоксман подчеркнул, что положение арестованных очень серьезно. Он напомнил, что с 1979 года в Иране было казнено по меньшей мере 17 евреев, лидеров еврейской общины.

На пресс-конференции Джесси Джексон сообщил, что первым долгом обратится к религиозным авторитетам Ирана "за разрешением приехать туда, добиться освобождения арестованных и сохранения им жизни".

- Я уже видел ряд явных признаков того, что Иран пытается вернуться в мировое сообщество. Очередным подобным свидетельством будет освобождение 13 евреев, - выразил надежду Джексон.

Между тем влиятельный иранский религиозный лидер аятолла Ахмад Джаннати, секретарь конституционного совещательного совета при президенте страны, заявил, что все арестованные должны быть повешены.

Джаннати отверг предположения, что кампания по освобождению арестованных, развернутая западными странами, может облегчить участь обвиненных в шпионаже.

Но 20 июня израильская газета "Гаарец" сообщила, что иранский президент Мохаммед Хатами намерен провести секретные переговоры с Израилем. Хатами предложил предпринять ряд секретных двусторонних шагов с целью "разрушить замкнутый круг недоверия и подозрительности в отношениях между Ираном и Израилем". Через высокопоставленных британских посредников иранская сторона рекомендует Израилю "отнестись к предложениям со всей серьезностью". Возможно, что во время этих контактов будет обсуждена и судьба арестованных в Иране.

Министр иностранных дел Германии Йошке Фишер заявил, что его страна потребует от Ирана освобождения 13 иранских евреев, обвиненных в шпионаже в пользу Израиля и Соединенных Штатов. Германия, которая по ротации в настоящее время возглавляет Европейский Союз, "крайне обеспокоена" арестом этих людей. Между тем американский конгрессмен Брэд Шерман (демократ, шт. Калифорния) предложил на рассмотрение конгрессу США проект резолюции, осуждающей задержание иранских евреев, среди которых есть раввины, преподаватели и руководители общины. Инициативу Шермана поддержали еще четыре законодателя, включая председателя парламентского комитета по международным отношениям Биньямина Гильмана (республиканец, шт. Нью-Йорк). Премьер-министр Израиля Эхуд Барак обратился к генеральному секретарю ООН Кофи Аннани с просьбой найти средства срочно освободить задержанных.

Тегеранское радио сообщило, что Соединенные Штаты и Израиль пытаются раздуть сенсацию из происходящего, и квалифицировало "любые действия по организации информационной кампании вокруг этого дела как вмешательство во внутренние дела Ирана".

Выплаты россиянам из швейцарского Мемориального фонда Холокоста, созданного специально для поддержки нуждающихся жертв Катастрофы, будут освобождены от российского налогообложения. Это решение, один из последних документов, подписанных правительством Евгения Примакова, ликвидирует основное препятствие, не позволявшее российским жертвам Холокоста получить единовременное пособие размером 400 долларов. Более 2000 еврейских узников нацистских гетто и концлагерей, живущих сейчас в России, ждут этих выплат.

Пережившие Холокост жители других бывших советских республик, таких, как Украина, Белоруссия и Латвия, уже получили пособие из этого фонда, учрежденного в 1997 году несколькими ведущими банками Швейцарии. Еще предстоит произвести выплаты жертвам Холокоста, живущим в Израиле, где отсрочка связывается с бюрократическими препонами.

Почти год назад, в августе 1998 года, в Иерусалиме представители МИД РФ и Израиля — тогдашний заместитель министра иностранных дел России Юрий Зубаков и генеральный директор МИД Израиля Эйтан Бенцур — подписали в Иерусалиме Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области совершенствования профессиональной и языковой подготовки дипломатических кадров. Суть этого документа заключалась в том, что Израиль и Россия будут ежегодно обмениваться стажерами-дипломатами для знакомства с работой различных подразделений аппарата министерств иностранных дел. Кроме того, предполагалось, что

израильские дипломаты получают возможность изучать русский язык на интенсивных курсах МИД в России, а российские дипломаты — иврит в Израиле.

До сих пор Меморандум оставался лишь на бумаге. Недавно Москву посетил заведующий департаментом МИД Израиля по подбору и подготовке профессиональных кадров Ицхак Эльдан. Цель его визита — конкретизация достигнутых в Иерусалиме соглашений, начало обменных программ.

О подготовке дипломатических кадров известно немного. В России их выращивают в МГИМО и Дипломатической академии, а на самые высокие дипломатические посты чаще всего назначают партийных функционеров и правительственных чиновников. А как создается дипкорпус в Израиле? Есть ли возможность у наших бывших граждан, шансы которых стать дипломатами на их прежней родине были равны нулю, сделать дипломатическую карьеру в Израиле?

Ицхак Эльдан утверждает, что значимость и востребованность министерств иностранных дел во многих странах существенно снизилась. Появилось множество неправительственных организаций, религиозных и светских, профессиональных и гуманитарных, весьма активных в установлении межгосударственных отношений, инициировании различных международных программ. Зачастую для решения крайне серьезных международных проблем направляют не профессиональных дипломатов, а общественных деятелей. Любое мало-мальски крупное предприятие ведет дела с зарубежными коллегами самостоятельно, не прибегая к помощи дипломатов. Чтобы выжить в этой конкуренции, МИД должны становиться многофункциональными, компетентными во всевозможных областях структурами.

Этим, в частности, следует объяснить, что аналога МГИМО в Израиле нет. Там на трехгодичные курсы подготовки дипломатов набирают выпускников университетов разных специальностей: математиков, физиков, архитекторов, биологов, экологов, политологов, историков... Их и обучают языкам, этикету, международным отношениям, истории Ближнего Востока и Израиля, риторике, официальной переписке, общению с прессой. И самообразованию с использованием всех современных средств.

Набор на эти курсы, называемые кадетскими, проводят в университетах, а также через средства массовой информации. В этом году объявления о наборе кадетов появятся и в русскоязычных израильских газетах — пришло время использовать на дипработе выходцев из бывшего СССР, знающих язык и культуру этих стран, но уже успевших стать израильтянами. На курсы МИД принимают израильтян с не менее чем пятилетним стажем.

Пришедшее к власти в Израиле новое правительство вправе поменять послов и генеральных консулов в Соединенные Штаты, Великобританию, Францию, Китай и, возможно, в Россию.

Правда, отъезд нынешнего израильского посла из России не обусловлен сменой премьера. Посол Цви Маген получил новое назначение — главы Бюро по связям с евреями бывшего СССР.

Израильская полиция раскрыла поистине невероятное преступление. В течение трех лет трем слепым братьям удавалось с помощью компьютера обворовывать государственную телефонную компанию "Безек" на миллионы шекелей. Братья-хакеры из семьи Бадир постоянно подключались к сети компании и за бесценок организовывали переговоры своих друзей и родственников с абонентами в арабских странах. Полиция еще два года назад установила, что в компании орудуют хакеры, но не могла заподозрить в преступлении братьев Бадиров 18, 22 и 23 лет, слепых от рождения. Израильское информационное агентство "Израэл-Уайр" отмечает, что братья проникли и в секретную компьютерную сеть министерства обороны Израиля. Как они распоряжались полученной информацией, не сообщается.

Полиция не обнаружила в квартире Бадиров каких-либо доказательств их причастности к этим правонарушениям. Тем не менее на основании косвенных данных суд города Кфар-Кассим принял решение до окончания разбирательства задержать братьев.

Выступая на конференции по безопасности в Интернете, правительственный чиновник сообщил, что германская полиция работает над технологией, которая позволит найти создателей нелегальных интернетовских сайтов, включая распространяющих неонацистские пропагандистские материалы. Когда эта технология будет готова к использованию, пока неизвестно.

Германский суд признал 79-летнего Алфонса Готцфрида, россиянина русского происхождения, бывшего агента гестапо, виновным в пособничестве убийству 17000 человек, в большинстве своем евреев, в концентрационном лагере Майданеке во время акции, названной нацистами "Праздник урожая". В 1991 году Готцфрид иммигрировал в Германию из Казахстана. Его арестовали в марте 1998 года и до суда год содержали под стражей. Однако суд решил, что Готцфрид не будет отбывать 10-летнее заключение, так как он уже отсидел 13 лет в советских тюрьмах и трудовых лагерях. Он лишен германской пенсии.

По мнению декана Центра Симона Визенталя раввина Марвина Хайера, это "крайне странное" решение, "как похлопывание по плечу". "Приговор не должен иметь ничего общего с жалостью. Я бы предложил Германии взглянуть на практику других стран, которые более строго наказывают за насилие и вождение автомобиля в нетрезвом состоянии", — заявил раввин.

Президент Центрального совета евреев Германии Игнац Бубис, сам переживший Холокост, приветствовал решение германского суда: "Бывают случаи, когда невозможно наказать виновного, но важно признать его вину".

Британские следователи сообщили, что ранее, выступая на другом судебном процессе в качестве свидетеля, Готцфрид говорил, что во время акции в Майданеке

застрелил 500 человек. Но на своем процессе он отрицал, что стрелял из какого-либо оружия, заявив, что только заряжал его для других. Агент гестапо даже заболел от вида агонизирующих людей.

За пределами Германии сейчас идут или недавно завершились судебные процессы над другими военными преступниками. Так, например, Австрия недавно приняла решение судить 83-летнего доктора Генриха Гросса по обвинению в убийстве детей в клинике Вены. В Лондоне в апреле первый британский суд признал виновным в преступлениях, совершенных в Белоруссии, бывшего железнодорожного контролера Антони Савонюка. В середине мая Департамент юстиции США начал новый иск против 79-летнего Ивана Демьянюка, автомеханика на пенсии из Кливленда. После того как в 1993 году Верховный суд Израиля не признал в нем печально известного "Ивана Грозного", оператора газовой камеры в лагере смерти Трешинка, Демьянюк вернулся в Соединенные Штаты. Теперь его обвиняют в том, что он был охранником в лагере Собибор и членом отряда СС, участвовавшего в уничтожении евреев.

"Мы приближаемся к концу столетия, — сказал Хайер, — но это еще не значит, что все преступники найдены".

Американский Белый дом рассматривает возможность посещения Израиля Хиллари Клинтон с дочерью. Первая леди Соединенных Штатов, которая не заехала в Израиль во время своей поездки по Ближнему Востоку, обещала побывать там после израильских выборов.

С целью оказать давление на президента Клинтона американские законодатели 31 мая захлопали в конгрессе своего президента за то, что до сих пор не осуществлен перенос посольства Соединенных Штатов в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим. Срок выполнения закона, принятого по этому поводу конгрессом в 1995 году, истек 31 мая 1999 года. Правда, этот же закон позволяет президенту отложить претворение указанного решения в "интересах национальной безопасности". В этом случае президент должен воспользоваться поправкой, заложенной в законе.

Понимая, что администрация намерена воспользоваться этой поправкой, группа из 10 сенаторов, возглавляемая Джозефом Либерманом (демократ, шт. Коннектикут) и Джоном Килом (республиканцем, шт. Аризона), предложила Клинтону воздержаться от этой меры, так как она не согласуется с намерениями конгресса. "Невыполнение закона не идет на пользу американо-израильским отношениям и перспективе арабо-израильского мира, — говорится в письме к президенту. — Перенос нашего посольства в Иерусалим на деле продемонстрирует американскую поддержку Израиля, в частности его национальных прав перед международными законами. Соединенные Штаты должны показать, что мы отвергнем любые попытки разобщить США и Израиль в отношении проблемы Иерусалима".

Израильтяне и палестинцы согласились отложить обсуждение самых сложных вопросов в мирных переговорах, включая и статус Иерусалима, на их финальную стадию. В соответствии с договоренностями в Осло эта стадия переговоров должна была завершиться в начале мая, чего так и не произошло.

Клинтон, являясь противником переноса посольства, просил ничего не предпринимать, пока израильтяне и палестинцы не определят статус города. Однако некоторые члены конгресса считают, что посольство уже давно должно было быть перенесено, по их мнению, присутствие высших американских дипломатов в Тель-Авиве

дает палестинцам ложные надежды. Законодатели намерены принять новый закон, лишаящий президента возможности воспользоваться упомянутой поправкой.

Еврейские активисты подвергли критике папу Иоанна Павла II за то, что в первый же день своего визита в Польшу он встретился с польским священником Хенриком Янковским, лишенным на год права проводить проповеди. Янковский, священник в годы президентства Леха Валенсы, был отстранен от проповедей в 1997 году за выступление против участия евреев в польском правительстве. В прошлом году во время выборов в местные советы Янковский советовал избирателям, прежде чем заполнить бюллетень, убедиться, что кандидат, за которого они будут голосовать, не еврей и не русский.

В конце мая текущего года польская полиция разминировала взрывные устройства, заложенные неподалеку от Освенцима. Устройства были установлены радикалом-католиком Казимирцем Свитоном для защиты крестов, которые подлежали демонтажу. Свитон же и организовал прошлогоднюю кампанию по установке сотен крестов в этом месте.

Польская полиция убрала 300 крестов, установленных вокруг территории бывшего нацистского лагеря смерти Освенцим. Несмотря на протесты Израиля и еврейских организаций, большой 8-метровый крест остался на прежнем месте. Полиция провела эту акцию за неделю до визита на родину папы Иоанна Павла II.

В Аргентине произошло торжественное открытие нового общинного центра, который заменит здание, при взрыве которого 5 лет назад погибли 86 человек. Организаторы теракта до сих пор не найдены.

Впервые в истории парламента Южно-Африканской Республики еврей Тони Леон стал лидером оппозиции. Он же — лидер демократической партии. Ранее роль официальной оппозиции играла новая национальная партия.

НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ДОСТИГНУТОМ

24-26 июня в Иерусалиме состоялась конференция посланников Любавичского Ребе в странах бывшего Советского Союза.

Полное освобождение

Конференция была приурочена к Дню освобождения предыдущего Любавичского Ребе из застенков ГПУ:

12 Тамуза в этом году выпало на 26 июня. Один из активных участников съезда посланник Ребе в Харькове раввин Моше Москович отметил: "Наш Ребе говорил, что освобождение предыдущего Ребе не было полным. Да, он вышел из тюрьмы, и это было чудом, но, с другой стороны, его принудили покинуть СССР, переехать в Ригу, потом в Варшаву, в конце концов он оказался в Америке. И вот через 72 года освобождение Ребе стало полным, любавичские посланники открыто работают во всех уголках бывшей коммунистической империи, и их деятельность сопровождается невероятным успехом! Так что теперь мы празднуем 12 Тамуза по-настоящему".

Обмен опытом

В четверг, 24 июня, с утра делегаты съезда стали съезжаться в гостиницу "Краун Плаза" в Иерусалиме, принадлежащую семье Леваевых. Их встречал директор фонда "Ор Авнер" раввин Давид Мондшайн.

Заседания первого дня конференции были посвящены обмену опытом между посланниками Ребе. Первая лекция была прочитана представителем Днепропетровска раввином Шмуэлем Каминецким. Не случайно именно он рассказывал, как следует расширять круг попечителей общины, убеждать обеспеченных евреев в том, что их святой обязанностью является забота о своих менее удачливых соплеменниках. Дело

в том, что Днепропетровск для многих является образцом того, каких достижений могут добиться еврейские общины в диаспоре. Наверное, в этом городе не осталось ни одного еврея, не охваченного деятельностью общины под руководством раввина, посланника Ребе. Прекрасная школа, ешивы, педагогическое училище, детские сады, летние лагеря, огромная гуманитарная помощь, издательская деятельность — вот далеко не полный перечень того, что является результатом деятельности Днепропетровской еврейской общины, ставшей центром еврейской жизни Украины. Раввин Каминецкий подчеркивает, что лишь силами посланников, прибывших сюда из-за границы, вряд ли удалось бы справиться со всем, что удалось сделать. У общины много друзей. Евреи, владельцы даже небольших продуктовых киосков, знают, что, обеспечив себя, они обязаны помочь старикам, больным и другим нуждающимся собратьям.

После лекции раввина Каминецкого участники конференции перешли к законодательным вопросам. Ведь посланники Ребе в городах бывшего СССР выполняют не только и не столько косвенные обязанности менеджеров еврейской общины — они в первую очередь раввины, и каждый день им приходится сталкиваться с вопросами, касающимися галогической стороны еврейской жизни. Это главным образом вопросы брака и, увы, развода.

В Галохе бракоразводные законы представляют собой достаточно трудную тему, включающую тысячи мелочей и "заковырок". Поэтому весьма значительный интерес на съезде вызвали выступления раввина Залмана-Нехемьи Гольдберга, одного

из крупнейших современных авторитетов в этой области, раввина Кфар-Хабада Мордехая Ашкенази, члена совета раввинов Хабада в Израиле, и раввина Ашера Эрентроя, представителя сети раввинских судов Израиля. Раввины поделились со своими коллегами из СНГ и Прибалтики наиболее интересными прецедентами в их практике, тем, какие трудности могут быть связаны с деятельностью в этой области.

Лекция представителя образовательной еврейской системы раввина Ишай Вебера и ревизора сети школ "Ор Авнер" раввина Зуши Гроса, была посвящена уже светской законодательной стороне. Как правильно оформлять документы общин, каковы преимущества частных школ и школ государственных — все эти вопросы, имеющие несомненный практический интерес, привлекли большое внимание собравшихся.

Но и между лекциями, в холле, участники конференции время зря не теряли. Менее опытные советовались с "ветеранами", выслушивали друг друга — умный учится на чужих ошибках!

Одновременно с конференцией посланников Ребе проходил съезд их жен, была подготовлена и специальная программа для детей.

"Во дают эти хабадники!"

Первый день подходил к концу. В одном из залов гостиницы собирались израильтяне на семейное торжество — на свадьбу. Увидев группу раввинов, они поинтересовались: "Что здесь сегодня происходит, съезд Шаса (религиозная партия Израиля)?" — "Нет, мы посланники Любавичского Ребе в бывшем СССР. Я из Днепропетровска, он из Узбекистана..." — "Да, один мой знакомый там тоже работает, он посланник Сохнута. И сколько же вам там осталось быть?" — «Что значит "сколько осталось?" Мы живем и будем жить там до скорого прихода Мошиаха» — "Что вы говорите?! Вы туда переселились? Ты слышишь, Рина, во дают эти хабадники!"

Отчет о прошлом и планы на будущее

Во второй день конференции эмиссары Ребе и их жены встретились с влиятельными общественно-политическими деятелями Израиля. На каждом из десятков мест в зале был установлен флажок города. Председательствовал донецкий раввин Пинхас Вышецкий. Первому он предоставил слово директору департамента просвещения Израиля г-ну Бенциону Далу, который, среди прочего, выразил уверенность в том, что кто бы ни стоял во главе департамента, его взаимное сотрудничество со школами "Ор Авнер" в СНГ и Прибалтике не может прекратиться. Израиль понимает и высоко оценивает деятельность Хабада в образовательной сфере, осуществляемой им в странах, находившихся в недавнем прошлом за "железным занавесом".

Раввин Вышецкий предложил построить работу заседания следующим образом. Каждому из посланников будет предоставлена возможность очень коротко, буквально в нескольких словах, рассказать, какие наиболее важные перемены произошли в последнее время в "его" городе. Это позволило собравшимся немного ознакомиться с тем, что происходит в еврейской жизни от Риги до Хабаровска, на третьей части суши!

Раввин Мордехай Глазман, Рига, Латвия: "Наша школа признана в этом году лучшей в городе по общеобразовательной программе, конкурс для поступления в нее очень велик"...

Раввин Шмуэль Каминецкий, Днепрпетровск, Украина: "Мы открыли колледж по подготовке руководителей малых общин, сойферов (писцов священных текстов — тфилин, мезуз и т.п.), мы строим здание общинного центра"...

Раввин Шимон Бергман, Нижний Новгород, Россия (четыре месяца в городе): "Мы составили базу данных на тысячу адресов евреев, десятки молодых людей посещают молодежный клуб, летом будет работать детский лагерь, в сентябре откроется новая школа"...

Раввин Цви Пинский, Петербург, Россия: "Наша ешива превратилась в центр еврейской мысли, мы открыли сайт в Интернете, который ежедневно посещают сотни потребителей, готовится открытие благотворительной столовой, рассчитанной на 1500 человек в день"...

Раввин Яков Кубичек, Саратов, Россия (первый год в городе): "У нас действует воскресная школа, строится общинный центр, в наступающем учебном году откроется ежедневная общеобразовательная школа"...

Раввин Шлоймо Дайч, Самара, Россия: "У нас работают детский сад и начальная общеобразовательная школа, ремонтируется недавно полученное здание синагоги, строятся миква и столовая, рассчитанная на 300 человек в день"...

Раввин Залман Иоффе, Волгоград, Россия (только что прибыл в город): "Уже в этом году мы организовали работу детского лагеря, мы добиваемся получения здания для синагоги"...

Раввин Гозл Майерс, Оренбург, Россия (четыре месяца в городе): "В праздновании знаменательных дат еврейского календаря принимают участие сотни оренбургских евреев, в наступающем учебном году открываются детский сад и общеобразовательная школа, строится миква"...

Раввин Моше Москович, Харьков, Украина: "Мы стали проводить лекции в городском университете, получили здание большой синагоги Харькова, в последнем еврейском мероприятии приняло участие 5000 харьковских евреев"...

Раввин Иосеф-Ицхок Вольф, Херсон, Украина: "У нас действуют детские сады, общеобразовательная школа на 250 детей, молодежные и женские клубы, клубы для пожилых людей, широкая сеть социального обеспечения, мы собираемся открыть новую школу"...

Раввин Шолом-Бер Крынский, Вильнюс, Литва: "Мы открыли в нашей школе 8 дополнительных классов, в наступающем учебном году при школе начнет действовать общежитие для детей из других городов Литвы"...

Раввин Ицхак Горелик, Казань, Татарстан: "Отремонтировано здание синагоги, заканчивается строительство миквы, осуществляется ряд образовательных программ"...

Раввин Исроэл-Иосеф Грузман, Минск, Беларусь: "Мы осуществляем деятельность в десятках городов Беларуси, на последний праздник собралось 4000 человек, летом будет работать лагерь для детей из 18 городов страны, в нашей школе 120 учеников"...

Раввин Нохум Лейдiker, Донецк, Украина: "В нашей школе получают образование более 400 учеников, в ешиве — 30 студентов, открывается новая ешива, строится центр для нуждающихся, проводятся лекции по иудаизму в городском университете, действует студенческий клуб"...

Выступает г-н Л. Леваев.

Раввин Шлоймо Вильгельм, Житомир, Украина: "Мы осуществляем деятельность в десятках городов нашей области, в нашу школу в будущем учебном году придут 200 учеников, летом организуется детский лагерь"...

Раввин Шлоймо Саломон, Кременчуг, Украина (8 месяцев в городе): "Мы открываем детский сад и начальную школу, осуществляем свою деятельность еще в 4 городах области"...

Раввин Нохум Эрентрой, Запорожье, Украина: "Городской общинный центр весьма популярен в городе, ведется большая благотворительная работа, ежедневно 200 человек получают кошерное питание"...

Раввин Яков Снетков, Хабаровск, Россия (в городе несколько месяцев): "Два раза в неделю мы проводим программу на местном радио, в будущем учебном году планируется открытие школы"...

Раввин Зелиг Ашкенази, Екатеринбург, Россия: "Наша база данных включает 8000 екатеринбургских евреев, на каждый праздник собираются тысячи человек, действуют летний лагерь, широкие социальные программы, нашей деятельностью охвачены десятки городов области, недавно нами получена территория для строительства общинного центра, в будущем учебном году планируется открытие школы"...

Раввин Авраам Вольф, Одесса, Украина: "Мы выпускаем еврейскую газету, которую читают 40 тысяч горожан, действует культурный центр, на ближайшее время запланирован ряд новых проектов".

Раввин Шолом Готлиб, Николаев, Украина: "В базе данных нашей общины 6000 евреев, в школе учится больше 100 детей, мы открываем 2 дополнительных класса и планируем увеличить число учащихся до 150, начато строительство миквы, в Пейсах нами проведено 10 сейдеров на 2500 человек"...

Раввин Меир Кирш, Челябинск, Россия: "Мы строим микву, проводим большую работу среди молодежи, летом будут действовать два лагеря, в следующем учебном году мы открываем школу"...

Выступает г-н Н. Щаранский.

Раввин Шолом Гопин, Луганск, Украина (несколько недель в городе): "Мы провели празднование Лаг Баомера, в котором приняли участие сотни детей, открыли синагогу, прихожанами которой являются в основном молодые евреи"...

Раввин Мордехай Вайсберг, Москва, Россия: "Нашей деятельностью охвачено 80000 москвичей, в праздниках участвуют около 10 тысяч человек, мы заканчиваем строительство общинного центра на 7000 кв. метров, получили новые здания для детского сада, ешивы, община приобрела подмосковный детский лагерь, в котором этим летом отдохнут 750 детей"...

Раввин Абе-Довид Гуревич, Ташкент, Узбекистан: "В нашей школе учатся 350 детей, мы работаем с 30 тысячами ташкентских евреев, 3 тысячами самаркандских и 3 тысячами бухарских евреев"...

Раввин Шнеур-Залман Заклас, Новосибирск, Россия: "Как только я приехал в город, мне был оказан прием, который, наверное, никогда не получал ни один раввин на новом месте: на следующую же ночь после моего прибытия в синагоге был устроен погром. Но пусть не думают, что нас можно запугать, даже наоборот, именно эта варварская акция заставила сотни новосибирских евреев вспомнить о своем еврействе и решить постоянно посещать синагогу!"...

Раввин Моше Вебер, педагогический колледж "Бет Хана", Днепропетровск: "В следующем учебном году у нас будет обучаться 150 студентов, наши выпускники разъедутся на работу во все уголки СНГ"...

Раввин Меер Стамблер, Федерация еврейских общин Украины: "В первые годы нашей деятельности мы занимались крупными городами, эта деятельность, можно сказать, затронула все крупные города Украины. Теперь мы приступаем к работе с малыми общинами, и каждый раввин большого города берет на себя ответственность за все общины области"...

Выступает р. Б. Лазар.

Раввин Вышецкий представил собравшимся нового эмиссара, который в ближайшее время отправится в Уфу. Участники конференции пожелали ему удач.

Следующим выступил человек, без которого такие кардинальные изменения на территории бывшего СССР не стали бы возможными, президент Федерации еврейских общин СНГ и Прибалтики, президент фонда "Ор Авнер" г-н Леви Леваев: "Не меня следует благодарить, а Ребе, который подарил мне эту веру. Слушая здесь короткие отчеты наших молодых раввинов, я думаю, что мы все должны вознести благодарственную молитву Всевышнему за сотворенное Им чудо, революцию в еврейской жизни империи. Последствия революции, совершенной большевиками, не продержались 70 лет, революция Хабада продолжается столетия. Во всем мире руководящие посты обычно занимают люди не моложе 50 лет. Средний возраст наших посланников — 25 лет. Эти совсем молодые люди добились таких результатов, которых никогда не смогли бы добиться самые удачливые и опытные бизнесмены. Это говорю вам я, кое-что понимающий в бизнесе".

Выступает Менахем-Мендл Москович.

В заключение выступил министр израильского правительства, в прошлом известный советский диссидент Натан Щаранский: "Я вспоминаю свое детство в Донецке, мы знали, что нет будущего у еврейства СССР. Следующее поколение либо уедет, либо ассимилируется. И вот сегодня мне здесь преподносят кассету с записями еврейского хора донецких мальчиков. Это ли не чудо? Обычно еврейские организации готовы посылать своих представителей только в большие города, Хабад же не забывает о самых малочисленных общинах, в которые входит буквально несколько десятков человек. В каких бы городах своей бывшей родины я ни был, везде меня поражали масштабы деятельности Хабада".

Выступает р. И.-М. Лау.

Святая Суббота

Посланники Ребе не привыкли к такому отпуску, который они получили во время конференции.

В субботу не пришлось даже объявлять, на какой странице сейчас молятся. Субботняя трапеза превратилась в настоящий праздник. Не так часто посланники

встречаются друг с другом. Раввин Шолом Готлиб из Николаева говорит: "Есть чувство какого-то необыкновенного единства. Кроме того, и наши семьи с нами. Есть специальная программа для женщин, детей. Ведь наши дети у себя дома не видят других религиозных детей. Здесь они понимают, что не одиноки".

На послесубботнюю трапезу съехались родители посланников, общественные, политические и религиозные деятели Израиля. Одним из первых перед собравшимися выступил главный раввин Израиля Исроэл-Меер Лау: «Десятки лет назад я услышал от первого министра внутренних дел Израиля такие слова: "Если когда-нибудь, когда упадет железный занавес, за ним останется хоть один человек, который скажет, что он еврей, знайте — это заслуга Любавичского Ребе". Сейчас, когда в этом зале собрались представители сотен тысяч, а может быть, и миллионов евреев бывшего Советского Союза, когда мы слышим, что там действуют десятки школ, сотни синагог, это заслуга Любавичского Ребе».

Председатель Объединения раввинов СНГ раввин Берл Лазар начал свое выступление с анекдота, который он услышал в первые дни своего пребывания в Москве: «Пожилой еврей спрашивает в синагоге утром у своего соседа, получает ли он "Правду". Тот отвечает, что "Правда" больше не выходит. На следующее утро история повторяется, старик просит у соседа "Правду", а тот говорит, что "Правда" не выходит. Когда на третье утро старик задает своему соседу свой вопрос, тот не выдерживает и почти кричит: «Я вам сказал уже три раза — "Правда" не выходит, сколько можно повторять?!» Тогда старик ему говорит: "Ах, повторяйте, повторяйте..."» — «Мы до сих пор не можем поверить в то, что произошло в бывшем СССР, — продолжает раввин Лазар. — Но мы не намерены останавливаться на достигнутом. В будущем году мы предполагаем открыть девять новых школ, отделения Федерации еврейских общин в 300 городах. До сих пор действовали 54 наших центров, теперь их будет 354!»

Еще много выступлений прозвучало в этот вечер. Самым трогательным было выступление сына харьковского раввина Моше Московича Менахема-Мендла. Мальчик говорил на чистейшем русском языке.

Конференция оказалась весьма полезной для ее участников. И, что очень важно, — они вспомнили старую истину: "Вместе мы непобедимы!"

Встреча в Николаеве

17 июня город Николаев посетил президент Украины Леонид Кучма. В ходе его визита была организована встреча с главами религиозных конфессий Николаева и области. Во встрече принял участие главный раввин Николаева и Николаевской области Шолом Готлиб. По окончании официальной части у президента и николаевского раввина состоялась приватная беседа, теплая, дружественная.

Встреча была особенно знаменательна тем, что происходила она в день памяти Любавичского Ребе. Леонид Кучма сказал: "Для нашего государства большая честь, что здесь родился и жил этот великий человек".

Президент отметил, что Украина законодательно обязалась искоренить негативные последствия политики тоталитарного режима, сопровождавшейся массовыми гонениями евреев, осквернением священных реликвий и надругательством над чувствами верующих — политики, не имевшей исторических прецедентов по своей жестокости и продолжительности. Леонид Кучма выразил сожаление о том, что за последние годы много тысяч евреев покинули Украину, обещал свою поддержку в реализации духовной миссии синагоги, подчеркнув, что в Украине все религиозные конфессии равны перед законом и без их помощи невозможен процесс духовного возрождения страны.

Раввин Шолом Готлиб поблагодарил президента от имени всех евреев общины за то, что здесь им дают возможность работать, соблюдать традиции, развивать свою культуру. Леониду Кучме было приятно узнать, что существенную помощь в Николаеве оказывают его соотечественникам американский распределительный комитет "Джойнт", израильские меценаты, синагога собственными силами, хесед: открыта бесплатная благотворительная столовая, за больными и немощными евреями ухаживают работники патронажной службы, налажена система проката реабилитационного оборудования, периодически оказывается гуманитарная продовольственная помощь, изыскиваются новые пути, способные облегчить жизнь людей, населяющих город и область. Президент с удовлетворением выслушал рассказ о николаевской еврейской школе "Ор Менахем", о том, что на высоком уровне школа держится во многом благодаря вниманию и поддержке г-на Леви Леваева, президента благотворительного фонда "Ор Авнер".

Беседа раввина с президентом Украины происходила в обстановке взаимного понимания, была намечена база для дальнейшего сотрудничества.

Открытие Центра подготовки сойферов в Днепропетровске

С возрождением еврейской жизни и еврейских общин в СНГ все больше ощущается нехватка специалистов, способных квалифицированно выполнять многие функции, предусмотренные еврейской традицией. Время от времени приходится приглашать мозлей, шойхетов и сойферов из других стран, а некоторые общины лишены этой возможности. Чтобы изменить существующее положение, американский распределительный комитет "Джойнт" принял решение открыть совместно с днепропетровской еврейской общиной на базе колледжа иудаики (ешивы) им. Суэд факультет по подготовке сойферов.

По мнению директора колледжа раввина Элиши Барама, именно здесь молодые люди из любого города СНГ смогут за 6—10 месяцев получить важную, необходимую практически всем общинам профессию. Обучать сойферов будет один из самых известных сойферов Израиля р. Ицхак Хазин, авторитет которого чрезвычайно высок во всем еврейском мире.

После окончания курса колледж обязуется поддерживать своих выпускников, помогать им, где бы они ни находились.

В настоящее время проводится запись абитуриентов, и уже сейчас очевидно, как велика потребность в квалифицированных сойферах, какую большую работу предстоит выполнить колледжу. "Мы глубоко благодарны "Джойнту" и лично кантри-директору Ицхаку Авербуху за то внимание и поддержку, которые он оказывает этому проекту", — говорит главный раввин Днепропетровска и области р. Шмуэль Каминецкий, — Без этой поддержки мы не смогли бы осуществить такой проект".

Колледж им. Сузд готовится к началу занятий по программе подготовки сойферов и ждет студентов не только из Украины, но и всего СНГ.

"У нас особые требования к будущим студентам, — говорит раввин Барам. — Сойфер безусловно должен обладать красивым почерком, знать технику еврейского письма, быть Б-гобязанным человеком, понимать высокую ответственность, возлагаемую на него Всевышним. Зачисление на факультет проводится по результатам собеседования и, кроме обычных документов, была бы крайне важной рекомендация раввина и религиозной еврейской общины города, из которого приезжает абитуриент".

Запись на факультет сойферов продолжается. Если вы заинтересованы получить более подробную информацию о программе, позвоните по телефону (0562) 34-24-52 и оставьте для раввина Элиши Барамы сообщение, в котором укажите свое имя и номер вашего телефона. Вам перезвонят и пригласят на собеседование.

СВЯТЫЕ ХЕМПТОНЫ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֲדֹנָיִם

В самых изысканных курортных зонах штата Нью-Йорк собираются миньяны ортодоксальных евреев, привлекающие к себе таких известных людей, как Стивен Спилберг и Ральф Лоран.

Ист-Хемптон — фешенебельное курортное местечко на восточном берегу Лонг-Айленда, где маленькая Джеки Бувье (впоследствии Жаклин Кеннеди) каталась на пони, с классической белой пресвитерианской церковью, построенной более 130 лет назад на зеленой лужайке, окруженной вязами, импозантными домами, принадлежащими людям из высших кругов американского общества, дорогими отелями, магазинами.

Казалось бы, меньше всего можно было бы ожидать встретить в подобном месте раввина-хасида. Однако Лейбл Баумгартен, 37-летний раввин, последователь Любавичского Ребе, еженедельно проводит здесь Б-гослужение для группы весьма известных в Америке лиц. Это проходит в гостиной одного здешнего частного дома, из окон которой открывается прекрасный вид на океан.

На "миньян Лейбла" в доме на улице, носящей красивое название Лили-понд лейн — "Аллея, ведущая к пруду, заросшему лилиями", стекаются мужчины и женщины. Аллея тянется вдоль берега океана, слева и справа высятся построенные на рубеже столетия импозантные особняки, крытые черепицей. Аккуратно подстриженные лужайки, теннисные корты, плавательные бассейны... Владельцы дома супруги-хасиды из Ти-нека, штат Нью-Джерси, просили не называть их имени: "Это частное владение, и мы не желаем иметь ничего общего с газетами", — объяснила хозяйка дома (поговаривают, что владельцы соседних домов не очень довольны этими еженедельными собраниями). Между прочим, к соседям этой супружеской четы принадлежат, в частности, Уильям Саймон, бывший министр финансов США, Морт Цукерман, магнат, составивший состояние на торговле недвижимостью.

Каждую субботу утром на протяжении всего лета, а по пятницам и накануне вечером, к этому дому устремляются евреи. В поисках искренней совместной молитвы сюда может прийти каждый, кому известно о существовании миньяна. Это богатые евреи, проводящие здесь лето, среди них есть и знаменитости, например, законодатель мод Ральф Лоран из соседнего Монтока, и финансист Рон Перельман, регулярно приезжающий в сопровождении телохранителей из своего имения "Крикс" в Ист-Хемптоне.

Многие из них не являются ортодоксальными евреями, но все они, как только входят в дом, выполняют требования традиции. Во время Б-гослужения мужчины сидят отдельно от женщин. Женской галереей служит балкон над гостиной. В соседней комнате сервирован стол с кидушем и чолнтом, маринованной сельдью и т.д.

"На Субботу к нам приходят до ста человек, представителей разных экономических и социальных слоев, в основном, до 90% не хасидов. Но я не сторонник наклеивать ярлыки. Еврей — всегда еврей!" — говорит раввин Баумгартен. Эмиссар Ребе,

раввин считает своей задачей распространение традиционного иудаизма среди всех евреев, даже если для этого ему приходится покидать по субботам собственную семью.

Лейбл Баумгартен, отец восьмерых детей, — раввин одной из синагог Корума, городка, находящегося немного ближе к Манхэттену, чем оба Хемптона. Пять лет назад он поместил в газете "Ист-Хемптон стар" объявление, в котором предлагал организовать ортодоксальный миньян для субботних Б-гослужений. Семья, владеющая домом в соседнем Тримайл-харбор, где она бывает только наездами, согласилась предоставить свой дом для этой цели.

"Это традиционная по всем правилам служба, — говорит раввин. — Мы ничего не упускаем из виду. Читаем недельную главу Торы. Для тех, кто не знает иврита, у нас есть сидур с транслитерацией. Общим для всех является желание участвовать в настоящем Б-гослужении, которого вы не найдете в Ист-Хемптонском реформистском Еврейском центре".

"Это замечательно, — поддерживает его молодая женщина, живущая со своей семьей зимой в Манхэттене, а летом в Ист-Хемптоне. Она начала изучать иудаизм в рамках вечерней программы для взрослых в вестсайдской синагоге. — Раньше по субботам я с утра играла в теннис, потом завтракала и отправлялась на пляж. Теперь я получила возможность участвовать в этот день в Б-гослужении, и это замечательно! Хотелось бы только, чтобы субботняя трапеза включала меньше жирных блюд".

Недавно в соседних населенных пунктах, Уотермилле и Сэг-харборе а также в Саут-Хемптоне было создано по меньшей мере три миньяна ортодоксальных евреев. Располагаются они в традиционных "штиблах" — маленьких молельнях в частных домах. А скромное Б-гослужение евреев-ортодоксов в Уэст-Хемптон-биче переросло в функционирующую круглый год синагогу, которую посещают 1400 семей.

"Эта еврейская активность — странная и интересная! — замечает банкир, учредитель штибла в Уотермилле, отец троих детей, пожелавший остаться анонимным. — Дело в том, что в Хемптонах живут преимущественно неевреи, которые не любят присутствия посторонних. Это очень эксклюзивный район". Банкир говорит, что организовал миньян в Уотермилле потому, что "не хотел отказываться от традиции начинать субботу с Б-гослужения". Дом стали посещать и не ортодоксы, его двери открыты для всех. Кто-то приходит из любопытства, не последнюю роль играет и кидуш.

По мнению ортодоксального еврея Ричарда Стоуна, манхэттенского адвоката, который проводит летние месяцы в Ист-Хемптоне, подъему ортодоксального иудейского вероисповедания способствовал ряд факторов. «Во-первых, появилось больше евреев-ортодоксов, имеющих возможность проводить лето в Ист-Хемптоне, — говорит он. — Во-вторых, не ортодоксы не прочь познакомиться с "экзотичными" миньянами Лейбла, отчасти потому, что это происходит на их собственной территории и, значит, не требует от них особых усилий. Не надо ехать, скажем, в Бруклин! В-третьих, сам Лейбл — обаятельный человек».

Нигде причудливая смесь солнца, роскоши и святости не рождала такого рвения к иудаизму, как в Уэст-Хемптон-биче. Там два года назад открылась Хемптонская синагога, и функционирует она весьма успешно. «Иудаизм снова в моде, люди жаждут возродить еврейскую традицию, — считает раввин Марк Шнейер, основатель этой синагоги. — Я убежден, что летнее тепло как-то действует на богатых людей, пробуждая в них тягу к духовности. Человек позволяет себе сбросить напряжение, расслабиться. У

него великолепный дом с бассейном, замечательные дети, прекрасный загар. Он начинает думать: "Может быть, там, на небе, существует Б-г, который ищет меня? Не следует ли мне подумать о своей духовной жизни?" Вот я и стараюсь помочь такому человеку заглянуть в глубины его души. Хемптонская синагога — подходящее для этого место; Б-гослужение в ней отличается большим благолепием. Отчего бы не пойти туда? Презентация — вот ключ к успеху!»

Раввин Баумгатрен рассказывает, что мысль организовать миньян для зажиточных евреев на время каникул, родилась у него, когда в 1990 году он присутствовал в Израиле на Б-гослужении в роскошной синагоге Герцлии: "Я подумал тогда — каким должен быть эквивалент этой синагоги в Америке? Мне пришло в голову, что наилучшим местом для нее был бы Уэст-Хемптон-бич".

"Когда идет речь о том, как украсить мицву, как найти хорошего кантора для праздников, как устроить действительно зрелищный банкет или праздничную трапезу после Б-гослужения, — я становлюсь максималистом! Здесь все должно быть великолепное! Я готов снять звезды с неба, чтобы каждую неделю показывать иудаизм с самой лучшей стороны".

"Если моя община, большинство которой составляют не ортодоксы, привыкла иметь все наилучшее, готова платить, скажем, 40-50 тысяч долларов за аренду летней дачи или же выложить миллион долларов за собственный дом, могу ли я, представляющий Тору, предлагать им что-то посредственное?"

Здесь молится пианист Марвин Хэмлиш; Стивен Спилберг подарил синагоге свиток Торы; Эли Визель прилетел из Парижа, чтобы выступить на ежегодном банкете. Недавно в американской синагоге читал свои стихи Евгений Евтушенко. Синагога стала стержнем еврейской жизни в Хемптонах. "К нам прилетала делегация из Лондона, — вспоминает раввин, — и она была поражена: эта красота, богатство и идишкайт! В праздник Симхас Тойра мы устроили шествие с Торой по улицам Уэст-Хемптон-бича. В прошлом году члены общины, которые, бывало, ставили рождественские елки в своих домах, признавались мне, что чувствуют себя вновь родившимися, как если бы они извлекли из сундуков свой иудаизм, чувствуют прилив духовных сил".

Цены на недвижимость в курортной зоне Западного, Восточного и Южного Хемптона снизятся, и район, где живут люди самого зажиточного класса, превратится в Боршт-белт (район проживания людей со скромным достатком). Но Ист-Хемптонский раввин Баумгатрен склонен к осторожному оптимизму и полагает: "Нам не мешает иметь собственную настоящую синагогу в Ист-Хемптоне".

Уэст-Хемптон-бич уже сейчас может гордиться кошерной булочной и пиццерией, а также тем, что крупный местный магазин наладил продажу кошерных кур.

переживать. Это возмутительное отношение русских курсантов ко мне, еврею. Тут и насмешки, ругательства. Чуть что — жид. В душе начинают пробуждаться чувства национального достоинства. Конечно, я не становлюсь шовинистом, но еврей мне становится ближе... И, главное, еще не знаю, удастся ли сдать экзамен через месяц, если не сдам, то придется еще целый год служить. Это можно с ума сойти. Два года терять в моем возрасте. А это время как здорово можно использовать. Первый год, черт с ним, но второй очень будет больно".

После армии Лазарь Певзнер возвращается в ВХУТЕМАС. Полученную им маленькую комнатку он превращает в мастерскую, работает самозабвенно. В 1925 году закончен ВХУТЕМАС, он теперь художник-скульптор с высшим образованием. Казалось бы, все прекрасно. Его считают талантливым, принимают в Союз художников. Но мастерской не дают, заказов нет...

Старший брат Лазаря Яков еще в 1906 году эмигрировал в Палестину. Через три года к нему поехали отец и сестра с целью позондировать почву для переезда туда всей семьи. На обратном пути отец заболел и скончался. Яков принимал участие в строительстве первых домов в Тель-Авиве, его назвали почетным гражданином этого города. Он был составителем русско-еврейского и еврейско-русского словарей.

В письме к брату, которого Лазарь не видел с трехлетнего возраста, он писал: "Как тебе известно, я кончил Высший художественный институт по скульптурному факультету и получил звание художника. И вот я уже почти 3 года имею это звание, а работать нет возможности, чтобы оправдать это самое звание".

В это время он начинает хлопотать о поездке в Италию, даже изучает итальянский язык. Ему обещает поддержку М. Горький. За него ходатайствует декан факультета скульптуры ВХУТЕМАСа профессор И.М. Чайков, который пишет, что Певзнер «был одним из серьезных и вдумчивых студентов факультета. Работая усердно, проявлял большие способности в области исканий. Эта художественная особенность не дала возможности ему закончить достаточно свою дипломную работу, очень интересно задуманную ("Шахтер") и посему не получил в свое время присуждения заграничной поездки, но факультет счел необходимым выдвинуть его кандидатуру в аспиранты. Тов. Певзнер много работает над эскизами, и я считаю поездку тов. Певзнера в Италию весьма полезной, т.к. его искания окрепнут при знакомстве с оригиналами произведений скульптуры классики и эпохи Возрождения».

С просьбой разрешить Певзнеру поездку в Италию обратился к А.В. Луначарскому, тогда наркому просвещения, и скульптор Б.Д. Королев: "...Певзнер относится к той группе моих учеников, наличие дарования которых бесспорно. Если к тому же прибавить его исключительную до самоотверженности любовь к своей профессии и глубокое упорство в работе, можно надеяться, что на почве таких данных дальнейшее расширение и углубление знаний действительно должно дать блестящие результаты. Вот почему я всемерно поддерживаю ходатайство тов. Певзнера и прошу Вас не отказать в удовлетворении его просьбы".

В своем дневнике Лазарь пишет: "Если я буду действовать упорно, то в конце концов я буду в Италии".

Но ни просьба самого Певзнера, ни ходатайства его учителей и М. Горького ничего не дали. В 1929 году он пишет в дневнике: "...отказали выпустить за границу. Горький не сумел сделать. Надеяться больше не на кого". В начале 1930 года еще одна

запись в дневнике: "Вчера отправил письмо, но вряд ли меня выпустят за границу. Какая, однако, тюремная жизнь! Только поездка за границу могла бы внести возрождение в мою душу... а так, как теперь живу, ничего не стоит, лучше не жить... Все же еще таится надежда... Буду жить, замкнувшись в себе".

Поездка в Италию так и не состоялась. Мастерской не дали. "Если не можете помочь художнику в тяжелое время его роста, зачем говорить о социализме! — читаем мы в его дневнике. Необходимо покориться своей участи, т.е. быть честным, искать, не удовлетворяться, быть правдивым до беспощадности".

Сам он постоянно не удовлетворен своей работой, бесконечно переделывает создаваемое им. Творчество полностью заполняло его существование. Вот что напишет искусствовед Н.В. Воронов через год после смерти художника: "Он не нуждался ни в ком и ни в чем, кроме работы. И у него никогда не было ни семьи, ни друзей, ни быта: он заботился лишь о том, чтобы была глина и ему не мешали заниматься своим делом" ("Московский художник", 5.02.88).

И еще одна запись в дневнике: "Пора заявить во весь голос, чтобы было слышно во всех уголках родины, о тех безобразиях, что творятся в области искусства".

В 1942 году по распоряжению руководителя оргкомитета Союза художников А.М. Герасимова ряд художников и искусствоведов был исключен из Союза художников. Лазарь Певзнер оказался в их числе.

В отличие от большинства художников того времени, он не обращался к индустриально-урбанистической теме, атмосфере фабрик и заводов, машин и станков. В его творчестве отсутствовал требуемый героический пафос; более того, в нем присутствуют элементы импрессионизма; он склонен к формалистическим исканиям. Все это вызывало неприязнь со стороны руководства и, как следствие, — исключение из Союза. Это произошло, несмотря на положительные отзывы о его произведениях известных художников — графика и живописца В.А. Фаворского, живописца П.П. Кончаловского, последний сравнил Л. Певзнера с Роденом. Скульптор В.И. Мухина считала, что его работы заслуживают большого внимания.

Исключение из Союза в тяжелое военное время означало лишение его средств к существованию (хлебной и продуктовой карточек). В конце 1942 года в письме на фронт брату Григорию он писал: "Пишу в домоуправлении, где теперь ночую, но и здесь не тепло... Я поденный рабочий, пилю и колю дрова. Они меня довели до самого невыносимого состояния, причинили столько горя, к тому же еще зима настала, и я не подготовился. В комнате у меня холодно. Распалась моя твердая работа, и я опять выбит из колеи". Подрабатывать приходилось и в качестве натурщика. Просьбы предоставить

ему мастерскую хотя бы на летний период, когда часть их пустовала, не были удовлетворены. Художника часто посещают мысли о самоубийстве, но он выстоял.

Только в последние годы жизни Певзнер получил собственную квартиру. Он жил активной творческой жизнью. В дневнике он писал, что художнику "главное — жить не эгоистической жизнью, а быть участником общей жизни человечества". Следуя своим убеждениям, он создавал образы современников, героев Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Но особенно скульптора привлекали люди творческого труда — писатели, ученые, музыканты. Им выполнены портреты А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького, В. Маяковского, В. Шкловского, А. Эйнштейна, Вана Клиберна.

В 1978 году некоторые произведения Л. Певзнера демонстрировались в одном из выставочных залов Москвы. Находившийся там в экспозиции его работы бюст Л. Толстого был приобретен музеем Л.Н. Толстого к 150-летию писателя.

Н.В.Воронов писал о Певзнере, что он "умеет передать индивидуальный строй и духовное богатство портретируемого. Но главная особенность его произведений заключается в совмещении своего рода импрессионичности решения с четкостью, строгостью построения, а живой экспрессивный мазок, изменчивая игра света и тени, воссоздающие мимолетность состояний, сочетаются с внутренней завершенностью, монументальностью образов".

Хочется надеяться, что произведения Лазаря Певзнера займут достойное место в отечественном искусстве.

БРАТЯ ДАВИДОВЫ

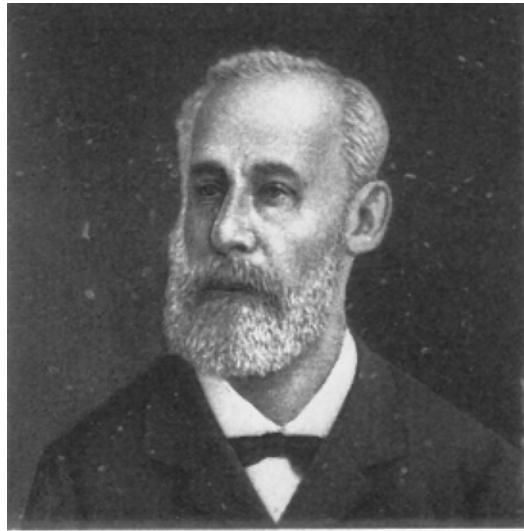
אָדע אָדע אַעיו

Трудно найти в истории XIX века еврейскую семью, которая оказала бы такое влияние на культуру и науку России, как Давыдовы (во многих изданиях эта фамилия звучит как Давидовы).

Август Юльевич Давидов родился 15 декабря 1823 года в Либаве, уездном городе Курляндской губернии. Первоначальное воспитание мальчик получил в доме родителей под руководством отца — доктора медицины. В 1839 году отец получил место врача при Московском воспитательном доме, семья переехала в Москву, где Август стал посещать классы института для обер-офицерских детей при воспитательном доме. В 1841 году он поступил в Московский университет на второй философский (позднее получивший название физико-математический) факультет, который окончил в 1845 году с золотой медалью.

После окончания университета Давидов занялся математическими науками, главным образом аналитической механикой. Его руководителем был профессор Брашман, заметивший талантливую студента еще в университете, рецензируя его сочинение "О бесконечно малых качаниях".

В 1848 году за сочинение "Теория равновесия тел, погруженных в жидкость" молодой ученый удостоился степени магистра математики, впоследствии за это же сочинение ему была вручена Демидовская премия АН. Год спустя Давидов получил свидетельство на право преподавания математики в военно-учебных заведениях и с 1850 года начал чтение лекций по теории вероятности в Московском университете в качестве адъюнкта. В 1851 году за исследование "Определение вида поверхности жидкости, заключенной в сосуде" ему была присуждена докторская степень. Утвержденный в 1852 году в степени доктора математики и астрономии, Давидов назначается экстраординарным, а затем ординарным профессором по кафедре прикладной математики, в 1862 году он переходит на кафедру чистой математики и остается на ней до конца своей службы в университете. С 1875 года Давидов — заслуженный профессор, занимающий также должность декана физико-математического факультета. После тридцатилетней ученой деятельности в Московском университете Давидов 8 июня 1885 года вышел в отставку и в том же году 22 декабря умер в Москве.

А.Ю. Давидов.

Вся жизнь ученого была посвящена любимой им науке, математике. Но ему не чужда была и практическая деятельность. В 1860 году он принял должность инспектора над частными учебными заведениями Москвы. И с этого времени активное участие в направлении преподавания математических наук в средних учебных заведениях стало для него одним из важнейших видов общественной деятельности. В 1864 году появился его учебник "Элементарная геометрия в объеме гимназического курса", выдержавший за 20 лет 14 переизданий. По ряду других его учебников училось не одно поколение. Это и "Начальная алгебра", изданная в 1866 году и переизданная 11 раз в течение 22 лет, и "Руководство к арифметике", выдержавшее три издания, и многие другие.

А.Ю. Давидов явился одним из учредителей Московского математического общества, председателем которого он был с 1864 по 1865 год. Он был и вице-президентом, а потом президентом Общества любителей естествознания. Среди его работ стоит отметить, кроме сугубо математических, весьма интересные труды "Приложение теории вероятностей к медицине" и "Употребление выводов теории вероятностей в статистике". В круг его занятий входили также исследования паровых котлов. При постоянной занятости математикой, неизбежно связанной с работой на кафедре в университете, и многочисленных специальных исследованиях, требовавших огромных затрат энергии, Давидов находил еще возможность работать и в Московском обществе испытателей природы. А с 1881 года он был еще и президентом Императорского общества акклиматизации животных и растений.

Младший брат Августа Юльевича, Карл, родился 3 марта 1838 года в городе Гольденгене в Курляндии. Он был еще ребенком, когда семья переселилась в Москву, где родители занялись весьма тщательно его воспитанием и образованием. Очень большое влияние на развитие блестящих способностей мальчика имел старший брат. Учился Карл охотно, науки давались ему легко, отчасти по врожденному влечению, отчасти из подражания брату, который в то время уже занимал профессорскую кафедру прикладной математики.

У Карла не было сомнений, где и чему учиться. Конечно, идти по стопам брата. В 1854 году он поступает на физико-математический факультет, который блестяще оканчивает в 1858 году со степенью кандидата математических наук. Одновременно юноша усердно занимается музыкой. Он с детства страстно ее любил и обнаруживал к ней большие способности. Уроки по игре на виолончели он брал у известного тогда педагога

Шмидта, который сразу же отметил замечательные способности ученика. Кроме того, Карл недурно играл на фортепиано и с увлечением занимался композицией. Желание совершенствоваться именно в композиции побудило его по окончании университетского курса отправиться в Лейпциг — главный центр музыкальной жизни Германии того времени, к знаменитому теоретику профессору Лейпцигской консерватории Морицу Гауптману.

Надо сказать, что в увлечении музыкой Карл был не оригинален. Старший брат тоже любил музыку и неплохо ее исполнял. Он имел весьма широкие связи и в лейпцигском ученом мире, и в музыкальной среде. Рекомендательные письма брата и, безусловно, необыкновенная личная привлекательность вскоре открыли Карлу двери в высшее общество. Все знали молодого человека лишь как ученика Гауптмана и подающего надежды композитора, о своей игре на виолончели он считал излишним распространяться, не придавая ей большого значения. Однажды он был приглашен в качестве простого гостя на домашний музыкальный вечер, на котором, между прочим, ожидалось исполнение трио пианистом Мошелесом, скрипачом Давидом и виолончелистом Грюцмахером. Внезапная болезнь последнего, ставшая известной, когда уже собрались гости, грозила сорвать приятный вечер. Давидов, чтобы выручить хозяев, предложил свои услуги. Он сыграл виолончельную партию в трио и несколько пьес соло с необыкновенным успехом, поразившим его самого. Присутствующие были в восторге от его техники, сильного, красивого звука и благородной, полной поэзии и глубины фразировки. Настоятельные советы компетентных музыкантов выступать публично произвели на него впечатление.

Вернувшись в Россию на лето, Карл написал свой первый концерт для виолончели, посвященный отцу. Осенью в Лейпциге он сыграл его в кружке местных выдающихся музыкантов, и тут же был приглашен выступить в знаменитых Gewandhaus-Concerte, симфоническом выступлении лучших музыкантов Лейпцига, где его ждал огромный успех. Так, в 1859 году подающий надежды математик и композитор стал одним из самых известных музыкантов Европы.

Вскоре ему было предложено место первого виолончелиста в лейпцигском оркестре, с блестящим успехом он совершает концертную поездку по Германии. В 1860 году 22-летний музыкант получил приглашение занять место в Лейпцигской консерватории, первой по значению в мире, на должность профессора игры на виолончели вместо Грюцмахера. Громкая известность и почетные отличия, сразу выпавшие на долю молодого музыканта из России, в такой богатой собственными талантами стране, как Германия, могли быть заслужены только совсем выдающимся дарованием, коим и обладал Давидов. Техника его была непогрешима, звук — редкой силы и красоты, исполнение свидетельствовало о проникновенном, высокохудожественном понимании авторов.

В 1862 году Карл Давидов был приглашен на кафедру истории музыки в Петербургскую консерваторию, но скоро сменил ее на кафедру игры на виолончели. С этой поры началось его служение делу развития музыкального искусства в России. Об успехах его как виртуоза не приходится говорить, они, конечно, были не менее блестящи, чем за границей. Отметим только, что известный любитель музыки граф Матвей Виельгорский, лично знавший двух знаменитейших виолончелистов XIX века, Бернгарда Ромберга и Франсуа Сервэ, подарил свою виолончель работы Страдивари Давидову, сопроводив подарок надписью: "Величайшему из виолончелистов всех времен и народов". В знак благодарности композитор Давидов посвятил графу свой Второй концерт для виолончели.

К.Ю. Давидов.

На родине Давидов проявил себя еще и как прекрасный педагог, и скоро Россия могла гордиться рядом превосходных виолончелистов, его учеников, с А.В. Вержбиловичем во главе. В 1862 году Давидов занял место первого виолончелиста в оркестре Императорской итальянской оперы и получил звание солиста Императорского Двора.

Исключительное по важности значение имела деятельность Давидова в Императорском русском музыкальном обществе с 1876 года, когда он назначается директором Петербургской консерватории. В противоположность Антону Рубинштейну, полагавшему, что консерватория должна быть своего рода академией для развития преимущественно музыкальных талантов — исполнительских и композиторских, Давидов считал, что основная задача консерватории заключается в подготовке как можно больше умелых педагогов, которые могли бы своей игрой и преподаванием содействовать усилению настоящей, а не дилетантской любви к музыке, распространению правильных методов обучения ей в России, облагораживанию вкуса русской публики.

В последние годы своей жизни Давидов с гордостью говорил, что где бы ему ни приходилось бывать в России, он везде находил учеников Петербургской консерватории — своих учеников, которые честно служили искусству.

Деятельность в консерватории и Русском музыкальном обществе настолько поглотили Давидова, что он почти совсем отказался от гастролей, неустанным трудом он довел Петербургскую консерваторию до первостепенного положения, подобрал блестящий состав преподавателей, число учеников возросло до необычайной во всех консерваториях того времени величины — в последние годы его директорства она составляла 850. Он внимательно следил за общим ходом преподавания в консерватории, лично вел виолончельный, хоровой и оркестровый классы, преподавал камерную музыку. Его заботила не только правильность постановки учебного процесса, но и материальное положение учащихся. Стараниями директора было учреждено общество помощи малообеспеченным студентам, устроены дешевые квартиры для них. Он добился необычайного роста консерваторского капитала для выдачи стипендий бедным учащимся, например только один известный в то время филантроп фон Дервиз передал Давидову 200 тысяч рублей, невероятную по тем временам сумму.

Наконец, ему обязан достигнутым совершенством квартет Русского музыкального общества. Можно без преувеличения сказать, что любовь к квартетам, их понимание были насаждены в Петербурге именно Давидовым. Зачастую он также дирижировал симфоническими собраниями музыкального общества. Повседневная напряженная деятельность не могла не отразиться на его здоровье. В январе 1887 года ему пришлось покинуть консерваторию. В последующие годы он совершил по России и за границей серию гастролей, сопровождавшихся неизменным успехом.

В ноябре 1888 года Карл Давидов дал концерт в зале Дворянского собрания в Петербурге. Этому концерту суждено было стать прощальным для города, которому музыкант отдал свои лучшие годы и силы. Он страдал "грудной жабой", приступы болезни становились все чаще и грознее. Давидов решил провести зиму в более спокойном климате Москвы. Желая и тут содействовать развитию музыки, он намеревался устроить бесплатные утренние концерты камерной музыки для учащейся молодежи. В начале февраля 1889 года состоялся первый из этих концертов; несмотря на предостережения врачей, Давидов принял в нем участие, следствием чего стал сильнейший приступ болезни прямо на сцене. Однако он нашел в себе силы не выдать публике свое мучительное состояние, доиграл выступление до конца. Домой его увезли в очень тяжелом состоянии. После серии очередных приступов утром 14 февраля 1889 года Давидов скончался. Современники оплакивали не только выдающегося музыканта, но и замечательного человека, чья доброта и гуманность были необыкновенны, чей ум, чувство юмора и кругозор — редчайши.

Остались композиции Карла Давидова, среди которых выделяются 4 виолончельных концерта, симфоническая картина для оркестра "Дары Терека", оркестровая сюита, струнные квартет и секстет, квинтет для фортепиано и струнных инструментов, опера "Мазепа", ряд трудов по игре на виолончели, в коих впервые в мировой музыкальной литературе изложены и реально обоснованы положения, носившие ранее исключительно эмпирический характер.

Так одна семья подарила России двух братьев, выдающихся представителей своего поколения в области науки и искусства.

ИЮЛЬСКОЕ ВЕЯНИЕ*

י. א. נאָוועלען-יאָדעל

...Поговорим лучше о евреях. Ибо, хотя нынче с этим вопросом и тихо, но, право, даже теперь, как вспомнишь, что происходило месяца три-четыре тому назад, мороз по коже подирает.

Не так давно и в печати, и в обществе в большом ходу были толки о "народной политике" и о необходимости практического ее применения. Но, к удивлению, эти толки более смущали, нежели радовали.

Не потому смущали, чтобы выражение "народная политика" представляло для кого бы то ни было загадку: у всех народов оно имеет одно и то же значение, и на всех языках имеет соответствующий термин. Означает оно такую правительственную систему, в результате которой является здоровый рост народа, как физический, так и духовный. Процветание наук, промышленности, искусств, литературы, общее довольство, обеспеченность и доверие — вот в нескольких словах программа "народной политики". Ясно, что такого рода явление в глазах всякого здравомыслящего человека может быть только желательным.

Но у нас вследствие укоренившейся привычки говорить псевдонимами понятия самые простые и вразумительные получают загадочный смысл. У нас выражение "народная политика" означает совсем не общее довольство и преуспевание, а, во-первых, "жизнь духа", во-вторых, "дух жизни" и, в-третьих, "оздоровление корней". Или, говоря другими словами: мели, Емеля, твоя неделя.

Вот эта-то "народная политика" и взялась покончить с еврейским вопросом. Она всегда и за все бралась с легкостью изумительной. И "ключей" требовала, и Босфору грозила, и в Константинополе единство касс устроить собиралась, и на кратчайший путь в Индию указывала. Но нельзя сказать, чтобы с успехом. Если б она меньше хвасталась, не так громко кричала, собираясь на рать, поменьше говорила стихами и потрезвее смотрела на свою задачу — быть может, она чего-нибудь и достигла бы. Но она всегда продавала шкуру медведя, не убивши его, — понятно, что ни "ключи", ни "проливы" не давались ей,

как клад. И вот, после целого ряда проказ по части оздоровления корней, ей подвертывается пресловутый еврейский вопрос.

Читатель, помните ли вы сказку о "Диком помещике"? Содержание ее очень незамысловатое. Не весьма умный помещик, огорченный крестьянской реформой и начитавшийся рассказней о белой кости и алой крови, взмолился к Б-гу, прося, чтоб Он освободил его от мужика. "Одной только милости прошу, вопиял он: — чтобы мужичьим духом у меня во владениях не пахло!" И Б-г внял мольбе неразумного (конечно, с тем, чтобы он впоследствии сам сознал свое неразумие): в одно прекрасное утро поднялся вихрь и в глазах помещика унес из его владений весь мякинно-мужичий рой...

Какие плоды вкусил помещик от мужичьего исчезновения — это сюда не относится. Но очевидно, что легенда о легком исполнении помещичьей прихоти увлекла наших народных политиков. Стесняясь еврейскою назойливостью и видя, что тут ничего не подделаешь ни "жизнью духа", ни "духом жизни", ни даже "оздоровлением корней", они избрали легчайший путь: попробовали применить к постылым евреям тот же летательный процесс, какой был применен "Диким помещиком" к постылым мужикам. И точно, поднялся вихрь, но при этом случилось нечто неожиданное: улетели народные политики, а евреи остались. До такой степени остались, что даже на днях я видел: ходит еврей у нас по дачам, как будто полотно продает, а сам подслушивает, не наклевывается ли где-нибудь революция — точь-в-точь как полноправный русский гражданин!

Итак, евреи остались, но вместе с тем остался нетронутым и еврейский вопрос.

История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, но в то же время она есть и бесконечное просветление. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место, в сфере просветления оно стоит в стороне, как будто лучезарные перспективы истории совсем до него не относятся. Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком. Даже история, которая для самых загадочных уклонений от света к тьме находит соответствующую поправку в дальнейшем ходе событий — и та, излагая эту скорбную повесть, останавливается в бессилии и недоумении.

Очевидно, что в ненормальном положении еврейского вопроса играют фатальную роль такого рода запутанности, которые с течением времени не только не смягчаются, но даже больше и больше обостряются. В ряду этих запутанностей главное место несомненно занимает предание, давно уже утратившее смысл, но доселе сохранившее свою живость. Затем, к числу причин, содействующих незыблемости предания, следует отнести, во-первых, несознанные капризы расового темперамента и, во-вторых, совершенно произвольное представление о еврейском типе на основании образцов, взятых не в трудящихся массах еврейского племени, а в сферах более или менее досужих и эксплуатирующих.

Нет ничего бесчеловечнее и безумнее предания, выходящего из темных ущелий далекого прошлого и с жестокостью, доходящей до идиотского самодовольства, из века в век переносящего клеймо позора, отчуждения и ненависти. Не говоря уже о непосредственных жертвах предания, замученных и обесславленных, оно извращает целый цикл общественных отношений и на самую историю налагает печать изуверской одичалости. Но бесчеловечие явится еще более осязательным, если припомнить, что нет вещи более общедоступной, как предание, и что, следовательно, последнее прежде всего

становится достоянием толпы, и без того обезумевшей под игом собственного злосчастия. Именно этой-то общедоступностью и обладает предание, поразившее отчуждением еврейское племя. Когда я думаю о положении, созданном образами и столами исконной легенды, преследующей еврея из века в век на всяком месте, — право, мне представляется, что я с ума схожу. Кажется, что за этой легендой зияет бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой пропасти безнадежно агонизирует целая масса людей, у которых отнято все, даже право на смерть.

Ни один человек в целом мире не найдет в себе столько творческой силы, чтобы вообразить себя в положении этой неумирающей агонии, а еврей родится в ней и для нее. Стигматизированный он является на свет, стигматизированный агонизирует в жизни и стигматизированный же умирает. Или лучше сказать, не умирает, а видит себя и по смерти бессрочно стигматизированным в лице детей и присных. Нет выхода из кипящей смолы, нет иных перспектив, кроме зубовного скрежета. Что бы еврей ни предпринял, он всегда остается стигматизированным. Делается он христианином — он выкрест; остается при иудействе — он пёс смердящий. Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?

Мне скажут, быть может: однако ж мы видим, что промышленные центры переполнены евреями, которые нимало не стесняются своим еврейством. Биржи, театры, рестораны, будуары самых дорогих кокоток — все это кишит веселонравными семитами, которые удивляют вселенную наглою расточительностью и нелепою привередливостью прихотей и вкусов. Да, таких субъектов существует достаточно (их-то, впрочем, одних мы и знаем), но ведь в них еврейство играет уже далеко не существенную роль. Это обыкновенные гулящие люди, члены той международной аффилиации гулящих людей, в которую каждая национальность вносит свой посильный вклад. О еврействе в этих людях говорят только некоторые ухватки, но ведь ухватки самые резкие легко ступшевываются в пучине всевозможных интернациональных утонченностей. Тем не менее можно сказать с уверенностью, что даже подобные личности по временам переживают нестерпимо горькие минуты. Ибо и во сне увидеть себя евреем достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе.

Несмотря, однако ж, на это организованное мучительство, евреи живут. Какая загадка таится за этим фактом — это вопрос трудный. Одни объясняют еврейскую живучесть надеждой на отмщение, другие — мудростью, третьи — просто привычкой. Но кажется, что главную роль тут играет тот общечеловеческий закон самосохранения, в силу которого племя, однажды сознавшее себя племенем, никогда добровольно не налагает на себя рук.

Как бы то ни было, но уничтожить силу предания или даже ослабить ее — задача настолько сложная, что даже люди очень убежденные отступают перед нею. Предание наслоилось веками, и каждое новое наслоение прибавляло к нему новую жестокую черту. Да и кто всего упорнее хранит эти предания? Их хранит толпа, которая сама насквозь пропитана злосчастьем и в отношении которой всякий укор был бы несправедливостью и всякое решительное воздействие — делом в высшей степени щекотливым. Даже поднятие общего уровня образованности, как это показывает современное антисемитское движение в Германии, не приносит в этом вопросе осязательных улучшений, потому что до сих пор мы были свидетелями только относительного поднятия этого уровня, которое не обладает достаточной силой для водворения принципа абсолютного равноправия. Следовательно, чтобы упразднить предание, необходимо, чтобы человечество окончательно очеловечилось. А когда это произойдет?

Перспектива бессрочная и тем более безнадежная, что в союзе с преданием против еврейского племени действуют и несознанные капризы расовых темпераментов. Эти капризы, переходя из поколения в поколение, в свою очередь образуют предание, столь же компактное и не менее преисполненное всякого рода баснословий, как и изукрашенная веками легенда о несмываемом еврейском клейме.

И образ жизни еврея, и внешняя его складка, его манера говорить, ходить, одеваться — все дает пищу для неосмысленной досады, которая проявляет себя тем беспрепятственнее, что выражение ее почти всегда сопровождается безнаказанностью. Никто так мастерски не боится, как еврей, никто не создал для себя такого странного внешнего облика. Еврей, самый солидный, напоминает внешним своим видом подростка, путающегося в отцовских штанах. Для темной массы этого вполне достаточно, чтобы видеть в еврее всегда готовый источник потехи и издевок. Никому нет дела до причин, породивших "странности", ибо в глазах чересчур уж живо мечется грубый факт, который заслоняет и проклятое прошлое, и презренную обстановку настоящего. Смешной лапсердак, нелепые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидеть на месте, — чего еще нужно? Еврей и ходит не так, как люди, и говорит не так, как люди, и смотрит не так, как люди. От еврея — пахнет; еврей не смотрит, а глаза у него бегают; он не живет, а блудит. А как смешно и даже гнусно он шепелявит!

— Что, еврей, губами мнешь?

— Дурака шашу!

То ли дело Дерунов с Колупаевым! Никогда они не скажут: шашу, а прямо отчеканят: сосу дурака — и шабаш. И правильно, и для потехи резонов нет: слушай и трепещи!

Давно ли власть имеющие лица стригли у евреев пейсы и снимали с них лапсердаки? Давно ли, как лакомство, выслушивались рассказы о веселонравных военных людях, ездивших на евреях и верхом, и в экипажах, занимавшихся травлей их и не знавших более высокого наслаждения, как подстеречь еврея с каким-нибудь членовредительным сюрпризом и потом покатываться от уморы при виде смешного ужаса, который являлся естественным последствием сюрприза. И что же! Разве это прошлое так и кануло в вечность? Нет, оно только видоизменило формы, а сущность передало неприкосновенную, так что в настоящее время пропаганда еврейской травли едва ли не идет шире и глубже, нежели когда-либо.

Говорят, будто выражение "дурака шашу" представляет девиз, которым определяются отношения всякого еврея к окружающей среде. Но в таком случае, отчего же не допустить подобного же толкования и для выражения "сосу дурака", которое на практике имеет отнюдь не менее обширное применение. По существу, они оба одинаково омерзительны, да и на практике имеют одинаковое применение. Но и в том и в другом виде доступны совсем не всякому встречному, а только могущему вместить.

Сосать простеца или "дурака" (он же рохля, ротозей, мужик и проч.) очень лестно, но для этого нужно иметь случай, сноровку и талант. Дерунов и Колупаев — сосут, а Малявкин и Казявкин, хоть и живут с ними по соседству — не сосут. Первые обладают всеми нужными для сосания приспособлениями, вторые — теми же приспособлениями обладают наоборот. Тот же самый закон имеет силу и в еврейской среде. И между евреями правом лакомиться "дураком" пользуются лишь сильные организмы, а Малявкин и Казявкин не только не лакомятся, а напротив, представляют собой материал для лакомства.

Вся разница в том, что коренной Дерунов, присасываясь к Малявкину, называет его "крестником" и не чуждается прибауток, вроде: "помилу да по-божецки, ты за меня; я за тебя, а Б-г за всех!" А Дерунов-еврей сосет без прибауток, серьезно. Возьмет дурака двумя пальцами, пососет и скорлупу выплюнет, потом возьмет другого дурака и опять

скорлупу выплюнет. Ужасно видеть это серьезное выплевывание скорлупок, но, право, и прибаутки слушать не слаще.

Кому же, однако, приходило в голову указывать на Разуваева, как на определяющий тип русского человека? А Разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени, и будут при этом на все племя кричать: ату!

Но для Дерунова-еврея есть даже смягчающее обстоятельство: он чаще всего сосет вотще. Ибо как только он начинает насасываться досыта, так тотчас на него налетает ревизия: показывай, жид, что у тебя в потрохах? И всякий, кому не лень, берет оттуда часть. Как все-то разберут — много ли останется? И какую надобно иметь силу воли, какую удачливость, чтобы, претерпев все ревизии, благополучно вынырнуть в мире концессий и банкирских гешефтов и там, сбросивши с себя узы еврейства, кормить обедами тайных советников, а некоторых из них иметь даже в услужении...

Почему же, однако, мы с такою легкостью отождествляем еврея сосущего с евреем не сосущим, почему мы так охотно вымещаем на последнем досаду, которую пробуждает в нас первый? Не потому ли, что сосущий еврей есть сила, за которой скрывается еще сила и даже не одна, а целый легион? Весьма вероятно, что в этом предположении есть очень значительная доля правды, хотя это и не приносит особенной чести нападающей стороне. Но во всяком случае, в бесчеловечной путанице, которая на наших глазах так трагически разыгралась, имеет громадное значение то, что нападающая сторона, относительно еврейского вопроса, ходит в совершенных потемках, не имея никаких твердых фактов, кроме предания (нельзя же, в самом деле, серьезно преследовать людей за то, что они носят пейсы и неправильно произносят русскую речь!).

В самом деле, что мы знаем о еврействе, кроме концессионерских безобразий и проделок евреев-арендаторов и евреев-шинкарей? Имеем ли мы хотя приблизительное понятие о той бесчисленной массе евреев-мастеровых и евреев — мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на печать проклятия и на вечно присущую угрозу голодной смерти? Испуганные, доведшие свои потребности до минимума, эти злосчастные существа молят только забвения и безвестности и получают в ответ поругание...

Даже в литературу нашу только с недавнего времени начали проникать лучи, освещающие этот агонизирующий мир. Да и теперь едва ли можно указать на что-нибудь подходящее, исключая прелестный рассказ г-жи Оржешко "Могучий Самсон". Поэтому те, которые хотят знать, сколько симпатичного таит в себе замученное еврейство и какая неистовая трагедия тяготеет над его существованием — пусть обратятся к этому рассказу, каждое слово которого дышит правдою. Наверное, это чтение пробудит в них добрые, здоровые мысли и заставит их задуматься в лучшем, человеческом значении этого слова.

Знать — вот что нужно прежде всего, а знание несомненно приведет за собой и чувство человечности. В этом чувстве, как в гармоническом целом, сливаются те качества, благодаря которым отношения между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознание братства и любовь.

Этим пожеланием я и заканчиваю мою настоящую беседу с читателем.

** - Nò àò ñŷ ï ï ààèèèí àáí à á æ òðí àèá "Í ò á: àñ ò àáí í úá çàí èñèè" á ¹ 8 çà 1882 ã ä. Í á: à ò à à ò ñŷ á ñ è ò à ú á í è è.*

О ПРОНИКНОВЕНИИ ДУХА ЕВРЕЙСТВА В ЗАПАДНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Ėėĭĭ Ōăėōōăĭĭ ĩđ

Статья впервые опубликована в журнале "Der Spiegel" в №14/15 за 1920 год. На русском языке не печаталась.

Дух еврейства все глубже проникает в европейские литературы. Его мамонизм и материализм угрожают чистоте арийской письменности. Паразитически присасывается он к идеям Запада. Лишает их индивидуальных черт. Развращает ум. Иссушивает чувства. Загрязняет язык. Низводит искусство к пустому острословию и презренному рационализму. Делает его предметом спекуляции. Индустриализирует поэзию, превращает ее в коммерческое предприятие. Третирует ее как оплаченную поденщицу капитала, политики, коварной жажды власти. Мы читаем подобное, слышим такое ежедневно. Но почти всегда — на плохом немецком языке. Если же потребовать подтверждений этого, в ответ обычно приводится указание на большое количество евреев среди европейских литераторов. Еврейская литература, утверждается с возмущением, составляет одну пятую часть всей европейской литературы.

Не будем говорить о том, насколько произвольна подобная оценка. Кому, собственно, известно, сколько в Европе литераторов? И кого можно считать литератором? И сколько литераторов-евреев? На какой статистике основывается эта оценка? Не будем вникать во все это, согласимся без каких-либо доказательств — количество евреев среди европейских литераторов необычайно велико.

И что же из этого следует? Да, делались попытки с обеих сторон, с националистско-еврейской и с антисемитской, сконструировать нечто вроде международной еврейской литературы, литературы, хотя и пользующейся разными языками, но имеющей общим то, что ее авторы — евреи. Что из этого получилось? Вавилонское столпотворение, хаотическое, бессмысленное образование. Таким же образом можно было бы сконструировать литературу брюнетов, например, или близоруких. Выбирать еврейское происхождение автора критерием принадлежности к литературе, писать историю еврейской литературы с этой точки зрения — абсурдно.

Мы не будем устанавливать здесь, имеется ли какой-либо другой, кроме языка, критерий принадлежности к народу, но то, что никакого иного, кроме языка, критерия принадлежности к литературе нет, это очевидно. Никогда ни один историк литературы не пытался исключить из греческой литературы тех или иных поэтов потому, что кто-либо из их предков был выходцем из Азии или Египта. Кто причисляет Шамиссо^[1] к французской литературе? Ницше или Демеля^[2] — к славянской? И что общего у литераторов-евреев, пишущих на разных языках? Мне указывают на некоторые общие признаки "еврейского

духа" у Исаяи, Филона^[3], Гейне! Что общего у библейского Соломона, Иосифа Флавия, Маймонида, Карла Маркса? А творцы Евангелия и каббалы, Спиноза и еврейские авторы французских комедий — где связь между ними? От Вальтера фон Фогельвейде^[4] можно проследить линии развития к Гофмансталу^[5], и у современного же лирика, пишущего на древнееврейском языке, нет ничего общего с евреем-миннезингером Зискиндом фон Тромберг^[6].

Для еврейского духа, говорят оппоненты, характерны рационализм, расчетливость, самомнение и нетерпимость. Показать физические, вещественные признаки неполноценности евреев не удалось до сих пор ни одному антропологу. Когда же речь идет о духовном, обобщение дается весьма дешево, можно болтать выпрепенную чушь, пускать пыль в глаза. Никто по-серьезному не пытался применять к литературным произведениям евреев упомянутые выше особенности еврейского склада ума. Обычно в спорах используются общие ссылки на Талмуд, вырванные из текста, неправильно переведенные цитаты, сомнительные аргументы, оценки, основанные лишь на чувствах, легко рассыпающиеся в прах, стоит лишь привести любой пример, утверждающий обратное. Рационализм — и каббалистическая мистика! Расчетливость — и еврей-классики средневековья! Самомнение, нетерпимость — и Барух Спиноза! Таких противоречий не выдерживает никакое обобщение.

Что же есть действительного в "проникновении духа еврейства" в европейские литературы? Выделяются ли произведения евреев, пишущих на западных языках, из литератур их стран? Изменило ли участие евреев в литературе той или иной страны "дух" этой литературы? Или эта литература оказала какое-либо воздействие на евреев-авторов?

Да, оказала воздействие, и вот какое: отдельные еврейские авторы, каждый в силу своих возможностей, творил в той литературе, на языке которой он писал, творил в духе этого языка. Это очевидно всякому, кто занимался хотя бы элементарной психологией языка. Духовным для человека является его язык. Познавательной способностью своих слов язык в полной мере охватывает мир. Мыслить, говорить, дает определение еврей Фриц Маутнер^[7], значит каталогизировать мир. Каким бы великим ни был поэт, он лишь тогда способен осознать чувства, когда эти чувства переходят из подсознательного в сознательное, когда они переходят в область слов. Язык творит, язык мыслит, язык совершает насилие над одиночкой. Язык — это сфера духовного не только тех, кто сейчас говорит на этом языке, но и тех, кто на протяжении столетий говорил на нем и тем самым воздействовал на него. Вот она связь, которую имеет смысл констатировать, осязаемая, очевидная, не связь случая, как, например, политико-народная, а связь необходимости.

У того, кто однажды продумал, прочувствовал эту связь, болтовня о "проникновении духа еврейства в литературу" вызовет горькую или веселую усмешку. На самом деле все происходит совершенно иначе. Гораздо больше оснований у возмущенного сиониста с презрением говорить об отходе от еврейства тех евреев-литераторов, которые пишут на западных языках. Тот, кто пишет на немецком, думает по-немецки: его мысли следуют немецкому образу мыслей. Плыть против течения языка — бессмысленно. Иному, возможно, и удастся придать особую окраску отдельному слову; возможно, он и сумеет сузить или расширить смысл того или иного слова, но представление о том, что кому-нибудь одному или даже группе литераторов удастся навязать языку свой "дух", такое представление абсурдно. Подобная попытка была бы борьбой одиночек против миллионов, причем не одной, а многих эпох. Инструмент этих одиночек, их собственное оружие, их язык при первом же удобном случае восстал бы против них. Все то, что ему свойственно, язык немедленно и неодолимо усваивает, впитывает в себя, перерабатывает, заново формирует в соответствии с присущим ему внутренним существом; и точно с такой же неизбежностью отталкивает от себя все чуждое ему. Уже на пороге сознания дух языка начинает свою деятельность, принуждает непрерывно меняющееся чувство, возникающую мысль уложиться в рамки языковых конструкций, созданных поколениями.

Именно евреи наиболее ясно поняли эту связь, и благодаря им — от Филона и Спинозы до Маутнера — критика языка была познана глубочайшим образом. Что же иное представляет собой каббала в своей основе, как не полное смирения удивление перед волшебной силой языка? И если еврейская ортодоксальность с эллинистических времен до Мендельсона^[8] всеми силами сопротивлялась проникновению в еврейский язык языков западных народов, сопротивлялась переводу Библии, какая иная причина была этому отчаянному сопротивлению, как не горькое понимание того, что вместе с чужим языком в еврейство неизбежно проникнет и чужой дух? Ортодоксы со своей точки зрения были правы. И направление, в котором развивалась литература, развивался язык, на котором они писали, было тем направлением, которому следовали евреи, пишущие на западных языках. Они не вносили в создаваемую ими литературу ничего от древнееврейских ритмов, ничего от древнееврейского "духа". Ужели это "проникновение еврейского духа", если то, что написано Мендельсоном, одним из писателей Просвещения, писавшего на немецком языке, и сегодня звучит как живое слово и стоит далеко впереди, на том пути, по которому движется развитие языка? А как часто при появлении большого западного поэта внимание к нему впервые привлекали евреи, первыми признавали его евреи! Нет, если европейская литература и позаимствовала что-либо от древнееврейского "духа", то

произошло это по вине тех арийских писателей, которые перевели Библию своим народам. И уж если — *cum grano salis*^[9] — следует поднимать вопрос о проникновении еврейского духа в литературу Запада, то Мартин Лютер преуспел^[10] в этом для германской литературы больше, чем все евреи, когда-либо писавшие на немецком языке, вместе взятые.

Остается рассмотреть необъяснимый факт — почему так много евреев-литераторов. Влечение евреев к литературному творчеству оппоненты объясняют различными малопривлекательными причинами. Тут и боязнь физической работы, и относительно легкий способ добиться денег и успеха, и тщеславие, стремящееся пожинать на этом поприще дешевые лавры, и настойчивое желание навязать свои мысли, свои идеи неевреям. Особенно хитроумные оппоненты угадывают в еврейских литераторах коварных пропагандистов некоего тайного заговора всех пятнадцати миллионов евреев, стремящихся завоевать мировое господство.

Однако истинные причины намного проще. То, что евреи стали литературным народом, было обусловлено преимущественно внутренней необходимостью, глубоко обосновано развитием народа, средой, его окружающей, его историей, судьбой. Внешне и внутренне еврей с самых ранних времен оказался между Европой и Азией, между миром индивидуальности, миром действий и миром бездействия, преодоления воли, ухода в нирвану. Он был поставлен у слияния трех больших культур — вавилонско-ассирийской, египетской и эллинской. И если не оставаться ко всему этому безучастным, то что же ему оставалось иного, как не попытаться систематизировать противоположные друг другу влияния, упорядочить их, обозначить как-то, каталогизировать, что оставалось ему иного, как не литература? У других народов была общая земля, были общими воздух, история, язык, жизненный уклад. У евреев же в течение двух тысячелетий было общим лишь одно: их Книга. Эта Книга была им государством, историей, смыслом их страданий, единственной связью, именно Книга, лишь она делала их народом. Что же удивительного в том, что они ее комментируют, так и эдак поворачивают ее букву, затрачивая на это всю свою жизнь. Что же удивительного в том, что люди, весь смысл жизни которых, все содержание, вся жизнь которых в Книге, что же удивительного в том, что эти люди стали "литературными"? В самый большой свой праздник обращается еврей к своему Б-гу: "Ничего не осталось нам, кроме этой Книги". Обрядовый закон требует от еврея, чтобы он мог читать и писать. Даже в самые мрачные времена среди евреев почти не было неграмотных, и только еще один народ связал свою судьбу с литературой так же сильно, как и евреи, это народ Конфуция.

Жизнь, судьба евреев должны были особенно сильно развить в них качества, присущие литераторам (не поэтам: эта область — для себя; впрочем, и поэты среди евреев встречаются весьма часто). Странствия по миру сделали глаз евреев зорким, обострили их для космополитических связей, развили у них чувство языка, помогли понять его релятивность, дали — поскольку многие евреи были и есть двуязычны — свободу и беглость в выражении мыслей и чувств. Вынужденный постоянно защищаться, еврей стал риторичным, научился всем приемам ораторского искусства и литературных эффектов. Постоянная зависимость от других сделала его психологом, заставила приспособливаться к окружающим, быть справедливым к оппоненту. Нужда вынудила еврея искать первопричину своих страданий, ясно представлять их себе, назвать их, суметь объяснить, почему он страдает.

Вот где источник литературной склонности еврея, основы его выдающейся литературной одаренности. По тем же причинам высока на Западе и активность евреев-читателей.

О проникновении духа еврейства в западную литературу речь может идти лишь тогда, когда появится живая еврейская литература, то есть литература на древнееврейском языке. Возможно, сионистам и удастся сделать древнееврейский язык вновь живым языком. Если последующие поколения будут столь же активными, как нынешнее, это должно произойти. Ведь совсем мертвым древнееврейский язык никогда и не был, никогда он не был, подобно латыни, только языком церкви и ученых. Но художественные произведения на древнееврейском языке нынешнего дня имеют пока внутреннюю скованность латинских произведений средневековья, они имеют вкус консервов, и потребуются еще некоторое время для того, чтобы произведение, написанное на древнееврейском, стало произведением взрослой, естественной, живой литературы. Лишь тогда, когда еврейская духовность не будет вынуждена растворяться в европейской, когда она сможет выкристаллизовываться в еврейскую литературу, лишь тогда можно будет говорить о "проникновении еврейского духа еврейства". Лишь тогда — нам на счастье и на горе — можно будет говорить о том, что вторично после установления христианства мир будет пронизан духом еврейства.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ, יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

^[1] Адальберт фон Шамиссо (1781—1838) — немецкий писатель, ученый-натуралист. путешественник, французский дворянин.

^[2] Рихард Демель (1863—1920) — немецкий поэт.

^[3] Юдаус Филон (21 до н.э. — 41 или 49 н.э.) — еврейский философ из Александрии.

^[4] Вальтер фон Фогельвейде (ок. 1170 — ок.1230) — немецкий миннезингер.

^[5] Гуго фон Гофмансталь (1874 — 1929) — австрийский поэт и драматург.

^[6] Зискинд фон Тромберг — немецкий миннезингер, жил во второй половине XII века.

^[7] Фриц Маутнер (1849—1923) — немецкий философ, писатель.

^[8] Моше Мендельсон (1729—1786) — немецкий философ.

^[9] С щепоткой соли (лат.). Здесь — с некоторой иронией.

^[10] Намек на то, что Лютер перевел на немецкий язык Библию.

ОТЕЛЬ

ÈÑÀÀÈ ÁÀÒÁÈÑ-ÇÈÍ ÁÁÐ

Когда Израиль Данцигер удалился на покой в Майами-бич, ему показалось, что он попал на тот свет. В 56 лет ему пришлось бросить все: завод в Нью-Йорке, дома, контору, детей, родных и друзей. Хильда, его жена, купила на берегу Индейского Ручья дом с садом. Там были уютные комнаты на первом этаже, бассейн, пальмы, клумбы, застекленная веранда, особые кресла, рассчитанные на некоторую нагрузку для сердца. Из ручья немного воняло, зато с океана дул свежий ветер.

Вода была зеленой и прозрачной, как в оперных декорациях, по ней скользили белые парусники. Чайки над головой пронзительно кричали и ныряли за рыбой. На белом песке лежали женщины. Израиль Данцигер мог видеть их сквозь темные очки. Даже слышал их болтовню и смех.

Он не боялся, что его забудут. Зимой все, сыновья, дочери, зятя и невестки, приедут из Нью-Йорка в гости. Хильду беспокоило, что может не хватить постелей и постельного белья, а посетители из города слишком возбуждают Израиля. Доктор предписал ему полный покой.

Сейчас, в сентябре, Майами-бич пустовал. Отели закрылись, вывески объявляли, что они возобновят работу в декабре или январе. В кафетериях центра, где вчера еще было полным-полно народу, на голых столах стояли опрокинутые, с ножками вверх стулья, бизнес замер. Солнце жгло, но газеты предупреждали об урагане, надвигающемся с далеких островов. Читателям советовали заготовить свечи, воду, вторые рамы для окон, хотя совсем не обязательно, что ураган коснется Майами, он может миновать Флориду и уйти в Атлантику.

Газеты были толстые и нудные. Новости, которые в Нью-Йорке будоражили, здесь казались неинтересными и незначительными. Радиопрограммы — пустыми, телевидение — идиотским. Даже книги известных писателей казались банальными.

У Израиля сохранился хороший аппетит, но Хильда тщательно определила его рацион. Все, что он любил, масло, яйца, кофе со сливками, жирное мясо, находилось под запретом. Вместо этого ему предлагались творог, салат, манго, апельсиновый сок, да и это в таких количествах, чтобы он, не дай Б-г, не получил несколько лишних калорий.

Израиль в одних плавках и пляжных сандалиях лежал в шезлонге. Финиковая пальма бросала на него тень. Без одежды Израиль Данцигер не был Израилем Данцигером — просто маленький человечек, кожа и кости, на груди немного волос, выступающие ребра, узловатые колени, руки как спички. Он вылил на себя много лосьона для загара, но кожа его была в красных пятнах. Солнца оказалось слишком много, и оно обжигало глаза.

Израиль встал, окунулся в бассейн, поплескался несколько минут. Плавать он не научился, мог только окунуться, как в микве. Уже целый месяц он читал одну книгу. Зато ежедневную еврейскую газету прочитывал от доски до доски, включая объявления.

Он носил с собой блокнот и время от времени подсчитывал свои доходы. Складывал прибыль от жилых домов в Нью-Йорке, от акций с облигациями. Каждый раз

получалось одно и то же. Даже если он доживет до ста, у него будет все еще больше чем достаточно и еще много останется. Во все это ему трудно было поверить. Как и когда он столько приобрел? И что делать все годы, которые предстоит еще прожить — сидеть в шезлонге и смотреть на небо?

Ему хотелось курить, но доктор позволял только две сигары в день — и даже это могло повредить. Чтобы отбить желание есть и курить, он достал неподслащенную жвачку.

Израиль нагнулся, поднял травинку, изучил ее. Потом посмотрел на соседнее апельсиновое дерево. Интересно, что бы он подумал, если бы в Порцьеве, его родном городе в Польше, ему сказали, что когда-нибудь у него будет дом в Америке с цитрусовыми и кокосовыми деревьями, на берегу Атлантического океана, в стране вечного лета? Теперь все это у него есть, но чего это стоит?

Внезапно Израиль насторожился: кажется, в доме зазвонил телефон. Может быть, звонят из Нью-Йорка? Он встал, чтобы ответить, и понял, что это просто сверчок. Никто ему сюда не позвонит. Кому звонить? Если человек ликвидировал дело, он просто труп.

Небо было голубое, без единого облачка. Над головой пролетела одинокая птица. Куда она летит? Женщины, раньше лежавшие на песке, теперь были в океане. Хотя там казалось тихо, как на озере, женщины подпрыгивали на воде, словно на волнах, жирные, широкоплечие, некрасивые, тошнотворно самовлюбленные. И для таких паразитов мужчина надрывается, портит себе сердце и умирает до срока?

Израиль тоже работал сверх сил. Доктора предупреждали его. И Израиль плюнул в песок. Хильда считалась верной женой, но стоит ему закрыть глаза — у нее через год появится новый муж, на сей раз высокого роста...

Но что ему делать? Построить синагогу, куда никто не пойдет молиться? Написать на Торе что-нибудь, чего никто никогда не прочтет? Швырнуть деньги на кибуц, помогать атеистам жить в свободной любви? Нынче даже на благотворительность нельзя давать деньги. Какая бы у тебя ни была цель, все приберут к рукам секретари, организаторы фонда и политики. К тому времени, когда помощь должна дойти до нуждающихся, уже ничего не останется.

В том же блокноте, где Израиль Данцигер подсчитывал свои доходы, лежало несколько писем, полученных утром. Одно из ешивы в Бруклине, другое от еврейского поэта, который хотел бы издать книгу, третье — из дома престарелых, где планируется пристроить флигель. Все письма с одним рефреном — пришлите деньги. И что хорошего, если в ешиве Вильямсбурга будет еще несколько студентов? Кому нужны новые стихи поэта? И зачем пристраивать флигель? Чтобы президент дома мог устроить банкет и снять сливки? Возможно, президент сам строитель или зять у него архитектор. Знаю я этих типов, проворчал Израиль. Меня им не провести.

Израиль Данцигер не мог долго оставаться на одном месте. Его захлестнула пустота, болезненная, как сердечный приступ. Жизненные силы покидали его, и он понял, что остается только шаг до безумия, до смерти. Нужно что-то делать, немедленно. Он бросился в дом, в спальню, распахнул гардероб, надел брюки, рубашку, носки, туфли, взял трость и вышел. В гараже стоял автомобиль, но ему вовсе не хотелось мчаться без цели по шоссе. Хильда ушла за покупками, дома никого не было, но и воров здесь нет. А если кто-

нибудь и залезет — какая беда. Впрочем, садовник Джо ухаживает за лужайками, поливает из шланга синюю траву, которую принес сюда пластом и расстелил как ковер. Даже трава здесь без корней, подумал Израиль. Он завидовал Джо. По крайней мере негр занят делом. У него где-то под Майами семья.

Израиль Данцигер ощутил нечто большее, чем скуку, — страх. Он боялся исчезнуть. Может быть, пойти к маклеру и посмотреть, как идут его акции? Но он уже утром был там, провел целый час. Если ходить два раза в день, покажешься назойливым. Кроме того, сейчас без двадцати три. Пока доберешься, уже будет закрыто.

Автобусная остановка была напротив. Автобус отправлялся, и ему пришлось побежать через улицу. Сам этот акт был для него как лекарство. Он сел в углу и решил, что поедет в кафе Папрова. Там купит вечернюю газету — дубликат утренней, выпьет стакан кофе, съест кусок кекса, выкурит сигару и, кто знает, может, встретит кого-нибудь из знакомых.

Автобус был полупустой. Все пассажиры сидели на теневой стороне и обмахивались — кто веером, кто сложенной газетой, кто книжкой. Только один пассажир сидел на солнце, равнодушный к жаре, небритый, неухоженный. Пьяница, должно быть, подумал Израиль Данцигер и впервые не осудил пьянство. Он бы тоже выпил, если бы ему было можно. Все лучше, чем пустота.

Пассажир встал, и Израиль занял его место. В открытое окно дул горячий воздух, пропахший океаном, расплавленным асфальтом и бензином. Израиль сидел тихо. Но вдруг всего его окатил пот, свежая рубашка моментально промокла.

Вскоре он почувствовал себя бодрее. Достиг точки, когда даже автобусная поездка представляется приключением.

На Линкольн-роуд располагались магазины, рестораны, банки. Мальчишки продавали газеты. Немного похоже на настоящий город, почти Нью-Йорк. Под одним навесом у магазина висело объявление о распродаже, продавался весь товар. Израиль почувствовал, что волнуется за владельцев магазинов. Сколько они продержатся, если нет покупателей? Он должен что-нибудь купить, что угодно, спасая бизнес. Это доброе дело, лучше, чем бросать деньги шноррерам.

Выйдя из автобуса, Израиль отправился в кафетерий. Вращающаяся дверь, яркий свет среди бела дня, гул голосов посетителей, длинные прилавки с едой и питьем, звон кассового аппарата, запах табака — все это оживило Израиля Данцигера. Он стряхнул с себя печаль, ипохондрию и мысли о смерти, правой рукой ухватил поднос, левую сунул в карман, где было несколько купюр и мелочь. Вспомнил предостережения врача, но сила — та сила, которая велит принять окончательное решение, — приказала ему идти вперед. Он купил сэндвич с форшмаком, ватрушек, высокий стакан ледяного кофе. Зажег длинную сигару. И снова стал Израилем Данцигером, живым человеком, бизнесменом.

Напротив Израиля сидел человек, ростом не выше его, но коренастый, широкоплечий, с большой головой и толстой шеей. На нем была дорогая панاما (не меньше пятидесяти долларов, сообразил Данцигер) и розовая рубашка с короткими рукавами. На пухлом, как сарделька, пальце сверкал бриллиант. В зубах он держал сигару и, перелистывая еврейскую газету, откусывал понемногу яичный претцель. Шляпу он снял, под ней оказалась сияющая лысая голова, круглая и гладкая. В его округлости и

надутых губах было что-то детское. Сигару он не курил, только посасывал. Израиль Данцигер гадал, кто этот человек. Конечно, не местный. Может быть, ньюйоркец? Но что он делает здесь в сентябре, если у него не сенная лихорадка? По еврейской газете нетрудно было догадаться, что это еврей. Ему захотелось познакомиться с этим человеком, но не в его правилах было приставать к посторонним. Однако в Майами, если быть очень сдержанным, подохнешь со скуки. Израиль Данцигер решился, взял свой поднос с ватрушкой и кофе и пошел к столику напротив.

- В газете что-нибудь новое?

Тот вынул сигару изо рта.

- Что может быть нового? Ничего абсолютно.

- В старое время были писатели, теперь писаки, - сказал Израиль просто для того, чтобы поддержать разговор.

- Пять центов выброшено!

- Но что еще можно делать в Майами? Помогает убить время.

- Что вы делаете здесь в эту жару?

- А вы что делаете?

- Сердце... Я сижу здесь уже полгода, доктор сослал меня сюда... Пришлось! Бросил дела!

- О, так мы братья! - воскликнул Израиль Данцигер. - У меня тоже сердце, плохое сердце, не дает мне покоя. Пришлось от всего в Нью-Йорке отказаться, моя милая жена купила мне дом с пальмами, как в старину в Палестине. Сижу и схожу с ума.

- Где ваш дом?

Данцигер сказал

- Я прохожу мимо каждый день. Я, кажется, видел вас однажды. Чем вы занимались прежде?

Данцигер сказал.

- Я сам занимался недвижимостью тридцать пять лет, - признался новый знакомый.

Они разговорились. Выяснилось, что человечка в панаме зовут Морис Сапирстон. У него квартира на Эвклид-авеню. Израиль Данцигер встал и купил два стакана кофе и еще две ватрушки. Потом предложил сигару, а Сапирстон дал из своих. Через четверть часа они болтали как старые друзья.

Оба вращались в Нью-Йорке в одних и тех же кругах, оба польские евреи. Сапирстон достал бумажник из крокодиловой кожи и показал фотографии жены, двух дочерей и их мужей — один доктор, другой адвокат, нескольких внуков. Одна внучка

была точной копией Сапирстона. Жена оказалась толстая, как субботний горшок с мясом. Хильда по сравнению с ней — красавица. Данцигер удивился, как можно жить с такой некрасивой женщиной. С другой стороны, рассудил он, с такой не будешь так одинок, как они с Хильдой.

Израиль Данцигер не был особенно набожным, но после сердечного приступа и отъезда в Майами-бич стал мыслить в религиозных терминах. Во встрече с Морисом Сапирстоном он увидел перст Б-жий.

- В шахматы играете? - спросил он.
- В шахматы нет. Но я играю в безик.
- А партнеры есть?
- Нахожу.
- Вы умный человек. Я никого не могу найти. Сижу весь день и ни души.
- Отчего же вы поселились так далеко от центра?

В ходе беседы Морис Сапирстон упомянул, что продается отель. Почти новый, по дороге к окраине. Владельцы обанкротились, и банк готов продать помещение за гроши, нужно только четверть миллиона наличными. Израиль Данцигер был далек от того, чтобы заинтересоваться этим делом, но слушал охотно. Разговор о деньгах, банках, залогов и кредите бодрил его. Это как-то доказывало, что мир еще не погиб. Израиль Данцигер ничего не понимал в отелях, но из рассказа Мориса Сапирстона собрал кое-какие сведения. Владельцы отеля разорились, потому что искали богатых клиентов и завысили цены. Богачи перестали ездить на Майами-бич. Надо привлекать средний класс. Один хороший зимний сезон, и ваши вклады оправданы. Сюда прибывает новая категория — латиноамериканцы, которые хотят в свое лето "охладиться" во Флориде. Израиль Данцигер сунул в карман руку за карандашом. Сколько комнат в отеле? Сколько приносит один номер? Как насчет налогов? Залогов? Во сколько обойдется персонал? Израилю надо было только убить время, вспомнить, что он тоже занимался бизнесом. Он почесал висок кончиком карандаша.

- А что, если сезон будет плохим?
- Нужно позаботиться, чтобы был хорошим.
- Как?
- Надо дать хорошую рекламу, даже в еврейских газетах.
- А зал для конференций у них есть?

Прошел час, и Израиль Данцигер даже не заметил этого. Он сжимал в зубах сигару и деловито поворачивал ее во рту. Новые силы влились в него. Сердце, которое последние месяцы то учащало, то замедляло работу, теперь билось как у здорового. Морис Сапирстон достал из кармана коробочку, вынул оттуда таблетку и проглотил с водой.

- У вас был приступ, да?

- Два.

- Для кого мне отель? Для второго мужа моей жены?

Морис Сапирстон не ответил.

- Как можно посмотреть отель? - спросил Израиль Данцигер через некоторое время.

- Пойдемте со мной.

- У вас здесь автомобиль?

- Красный кадиллак на той стороне.

- А, красивая машина.

Оба вышли из кафе. Израиль Данцигер заметил у Сапирстона трость. Вода в легких, подумал он. Инвалид, а гоняется за отелями... Сапирстон сел за руль и включил зажигание. Стукнулся о машину сзади, но даже не повернулся, помчался вперед. Одной рукой он умело правил, другою возился с зажигалкой. Сунув сигару в зубы, процедил:

- За осмотр денег не берут.

- Да.

- Если моя жена узнает, даст мне жару. Оглянуться не успеешь, скажет доктору, и они оба съедят меня живьем.

- Прикажут вам отдыхать, да?

- А если и прикажут? Отдых нужен здесь, голове! Но мой мозг не отдыхает. Ночью лежу без сна, думаю о всякой ерунде. А когда встаю, хочется есть. Жена пошла к слесарю выяснить, можно ли запереть холодильник на ключ. От всех этих "нет" скорее хуже, чем лучше. Как жили люди в старину? В мое время диет не было. Мой дедушка, мир его праху, съедал целую тарелку шкварок с луком для аппетита. Потом принимался за суп, в котором сверху плавал жир. Потом жирный кусок мяса. А кончал пирогом со смальцем. Дедушка дожил до восьмидесяти семи лет и умер, потому что зимой поскользнулся. Позвольте вам сказать: когда-нибудь найдут, что холестерин полезен. Будут продавать его в таблетках, как сейчас витамины.

- Хотел бы я, чтобы вы были правы.

- Человек — как ханукальный дрейдл. Поверни его, он будет вертеться сам, пока не упадет.

- На гладком столе вертится дольше.

Автомобиль остановился.

- Ну, вот и отель.

Израиль Данцигер только взглянул и сразу все понял. Это правда — выложи четверть миллиона, и сделка окажется фантастической! Все новое. Построить, должно быть, стоило состояния. Конечно, от центра далековато, но центр теперь движется сюда. Раньше неевреи бежали от евреев, теперь евреи бегут от евреев. Через улицу кошерный мясной рынок. Израиль Данцигер потер лоб. За свою долю нужно отдать сто двадцать пять тысяч. Столько можно занять в банке под залог своих акций. Можно даже наскрести наличные без займа. Но стоит ли действительно навязывать себе такую холеру? Самоубийство, чистое самоубийство. Что скажет Хильда? А доктор Коэн? Все накинется на меня — Хильда, мальчики, девочки, их мужья. Само по себе приведет ко второму приступу.

Израиль Данцигер закрыл глаза и некоторое время размышлял, пытался проникнуть в будущее, увидеть, что приготовила ему судьба. Ум его стал пустым, темным, охваченным безмолвием сна. Он даже услышал собственный храп. Все его дела, вся его жизнь были на весах в эту минуту. Он ждал приказа изнутри, голоса из недр своей души... Лучше умереть, чем жить, как теперь, пробормотал он под конец.

- В чем дело, мистер Данцигер, вы заснули? - спросил Сапирстон.

- Что? Нет.

- Так войдите. Посмотрим, что здесь творится.

И два маленьких человечка стали взбираться по ступенькам четырнадцатипятиэтажного отеля.

Èèèpñò ðàòèè

À. Èòì àòà

КАДИШ

Ààñì Ðàéñèí

Из-за занавески доносились тихие стоны и негромкие слова ободрения опытной бабки-повитухи. В комнате было душно. Семеро детей, все дочери, от четырех до двадцати трех лет, тихонько сидели, погруженные каждая в свои мысли. Головы у всех были покорно опущены. Они ждали — должно случиться что-то ужасное.

За столиком, который стоял возле большого наполненного книгами шкафа, сидел патриархального вида еврей реб Зелиг Ханес, высокий, худой, с бледным чахоточным лицом. Тихим ровным голосом он нараспев читал большой фолиант и, время от времени поднимая голову, бросал тревожный взгляд на занавеску. Не спрашивая, что означают доносившиеся до него стоны, он снова принимался за свое печальное песнопение. Казалось, он сам страдает больше находящейся за занавеской роженицы.

- Б-же Всемогущий! — произнесла старшая дочь. - Пусть это будет мальчик! Помоги нам, Б-же милостивый, сжался над нами!

- Пусть это будет мальчик, Всемогущий Б-же! - поддержала ее вторая дочь.

Все девочки, и большие, и маленькие, с тяжелым сердцем и упавшие духом молились за то, чтобы в семье наконец появился мальчик.

Реб Зелиг оторвал взгляд от Талмуда, посмотрел на занавеску, потом на девочек, тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой:

- Она принесет вам еще одну сестру!

Девочки переглянулись, окончательно расстроенные. Слова отца лишили их желания продолжать молиться.

Только самая маленькая в рваном фартушке не переставала просить:

- Б-женька, пожалуйста, дай нам братика!

- Я умру, и некому будет прочесть надо мной заупокойную молитву, - простонал реб Зелиг.

Время тянулось очень медленно. Стоны из-за занавески становились все громче. Реб Зелиг и старшая дочь с тревогой ждали, что скоро, очень скоро повивальная бабка объявит:

- Девочка!

Реб Зелиг, знавший, что это слово больно ударит его в сердце, решил выйти во двор. На улице он поднял глаза к небу. Луна спокойно и безразлично плыла по ночному небу, звезды казались ее шаловливыми детками. Реб Зелигу послышался хриплый голос бабки:

- Девочка!

- Это значит, что никто не прочтет по мне заупокойную молитву. Наш род закончится! - думал он, в очередной раз пересекая двор. - И ничего нельзя изменить!

Его старания хоть как-то успокоить себя не давали результатов, страх, что родится еще одна девочка, только усиливался. Реб Зелиг окончательно потерял терпение и вернулся в дом.

Там стояла суматоха.

- Кто?

- Мальчик! Папа, мальчик! Папочка, мы же говорили, что все будет хорошо! - с этой новостью к нему обратились семь сияющих девичьих лиц.

- Б-же, мальчик? — переспросил вконец растерявшийся реб Зелиг. - Да? Кто?

- Мальчик, реб Зелиг, наследник! - подтвердила повитуха. - Сейчас его искупаю и покажу вам.

- Мальчик... мальчик, - не верил своим ушам реб Зелиг.

Сильно взволнованный, он прислонился к стене и заплакал.

Дети с тревогой смотрели на него.

- Это от радости, - объяснила повитуха. - У меня бывали такие случаи.

- Мальчик... мальчик, - всхлипывал реб Зелиг, переполненный счастьем. - Мальчик... мальчик, наследник.

Маленькому мальчику дали имя Яков, но "на счастье"^[1] добавили Алтер.

Реб Зелиг был образованным человеком и не очень верил в действенность таких мер, считал это глупостью, но в душе против этого не возражал. Кто способен точно сказать, что может случиться в жизни? Иногда женщины разбираются в подобных вещах лучше мужчин.

К тому времени, когда Алтерке исполнилось три года, боль в груди и кашель у реб Зелига усилились. Но теперь он воспрянул духом и спокойно смотрел смерти в лицо, будто говорил ей:

- У меня хватит сил, чтобы посмеяться над тобой. Я оставляю после себя наследника!

Однажды, после очередного приступа кашля, реб Зелиг спросил жену:

- Если не сегодня завтра я умру, сможет ли Алтерке прочитать по мне кадиш?

- Сумасшедший, что ты такое говоришь, - встревожилась Хайка. - Ведь ты с кашлем живешь уже очень давно! Кашель для тебя в новинку?

Реб Зелиг улыбнулся. "Глупая женщина. Она думает, что я боюсь смерти. Когда человек оставляет после себя наследника, смерть для него — ничто".

Алтерке часто играл со святыми отцовскими книгами и подражал пению молитв отцом: "Нум-нум-э-нум-нум".

- Ты слышишь, как он молится? - восхищенно заметила Хайка. - У него высокая душа!

Отец ничего не говорил, только улыбался и смотрел на наследника. В голове у него мелькала мысль: "Алтерке станет цадиком и поможет мне избежать трудностей в ином мире".

- Мама, я хочу кушать, - попросил мальчик.

Ему дали кусок белого хлеба, который в каждую субботу специально оставляли для него.

Алтерке начал есть.

- Вот кто даст нам силы! Вот кто даст нам силы! - повторял реб Зелиг.

- Нет! - возразил ему Алтерке.

- Пора тебе научить сына читать молитву, - сказала Хайка.

Реб Зелиг притянул Алтерке к себе и стал его учить:

- Говори: "Борух".

- "Боух", — повторил ребенок на свой лад.

- Ато.

- Ато.

Когда Алтерке закончил молитву, Хайка с трепетом сказала:

- Омейн.

Реб Зелиг мысленно представил себе, как его сын читает в синагоге кадиш, все хором произносят "Омейн", и он, Зелиг, покидает синагогу с таким чувством, будто уже находится в садах Эдена.

Прошел еще год. Реб Зелиг чувствовал себя все хуже. А с приходом весны, когда начал таять снег, от сырой погоды ему и вовсе стало плохо. Он с трудом приходил в синагогу на утреннюю молитву, а на послеобеденную сил у него не оставалось, и он вынужден был молиться дома. Все вечера он проводил с Алтерке.

Как-то ночью, когда в доме стояла глубокая тишина, реб Зелиг сидел за столом и смотрел в угол, где стояла кровать, на которой спали Хайка и Алтерке. Чувствовал он себя очень слабым и больным. Вдруг ему показалось, что этой ночью он должен умереть. С мольбой в глазах он подошел к Алтерке и принялся его будить.

- Алтерке, иди ко мне! - говорил он, поглаживая ребенка по головке.

Первый сон уже прошел, и ребенок легко встал на ножки, пошел к отцу.

Реб Зелиг сел в кресло, стоявшее возле стола, на котором лежала открытая Тора, усадил Алтерке на стол и посмотрел ему в глаза.

- Алтерке.

- Что, папа?

- Ты хочешь, чтобы я умер?

- Хочу, - ответил мальчик, не понимая, что это значит, и думая, что это что-то очень хорошее.

- А ты прочитаешь кадиш после моей смерти? - спросил отец подавленным голосом и зашелся кашлем.

- Да! — пообещал мальчик.

- А ты знаешь эту молитву?

- Знаю!

- Хорошо, повторяй за мной: "Исгадал".

- Исдадал, — повторил ребенок, по-детски искажая слова.

- Вейискадиш?

- Вейистадиш.

Так реб Зелиг повторил с Алтерке кадиш несколько раз.

Небольшая лампа давала мало света и едва освещала мертвенно бледное лицо реб Зелига и Алтерке, который не спеша, с большим трудом повторял непонятные ему слова кадиша. Не отрывая взгляда, ребенок смотрел в угол комнаты на фантастические и пугающие тени отца и свою...

I'adañä I. Ñei aeiñai

Уважаемые друзья!

С удовольствием читаю журнал “Лехаим”, с чем-то согласен, с чем-то нет. Но, конечно, делаете вы очень большое дело — несете важные идеи, объединяющие наш народ в диаспоре.

С большим интересом прочитал № 11 за 1998 год. Ну что ж, прав Жаботинский, мы тоже имеем право иметь (и имеем!) своих мерзавцев. Дурак Тополь или нет, но его мысли как елей на душу большинству “коренного населения” России. Вот вы пишете, Лужков посочувствовал евреям после взрыва синагоги. Но ведь тот же Лужков ведет воинственную политику по отношению к Украине за Севастополь. Да и вообще, не в традициях этого народа относиться уважительно к соседям и к согражданам-”иногородцам”.

И совет русского доброхота побыстрее уехать в Израиль мне явно не по душе. Почему мы, евреи, “пред Родиной вечно в долгу”? Мой отец и его два брата погибли на фронте, родственники уничтожены в Бабьем яру. Я родился и вырос здесь, окончил Суворовское училище (на 120 курсантов - 2 еврея), затем - высшее училище (из 120 - единственный еврей), отслужил, окончил институт (на курсе - 3 еврея), женился, вырастил четырех детей, и, хоть мать их украинка, они у меня все записаны евреями, в то время как “чистокровный” еврей Хазанов по паспорту осетин.

Проработал всю жизнь и главным инженером, и директором. Почему же после того как я отдал все силы и здоровье одной стране, я должен получать пенсию от другой, от Государства Израиль, где мои дети и евреями-то считаться не будут?

Если существуют национальные недостатки, то таковыми у евреев считаю поразительную доверчивость и какое-то молчаливое упрямство. Я за слово “жид” бил морды и разбивал головы. Бывало, что и привлекали к суду, слава Б-гу, что без последствий. Нельзя же все время проглатывать оскорбления и обиды.

Евреям принадлежат многие средства массовой информации. Когда в конце 30-х годов американский автомобильный король Генри Форд организовал антисемитский шабаш, американские евреи в принадлежавших им СМИ ежедневно публиковали данные о том, сколько “фордов” потерпели аварии из-за конструктивных недостатков, тормозов, из-за рулевого управления и т.д. Спрос на эти автомобили резко упал, и Форд запросил пощады, публично извинился перед евреями. Неужели у Лимонова и Анпилова чистые руки? Неужели Макашов, выслуживший свои лампасы с помощью папаша и МО СССР, безупречен?

Пора распрощаться с иллюзиями, на удар следует отвечать ударами, добро должно быть с кулаками.

D. Diacè:, Nààniò òí òéù

Уважаемая редакция!

Я не могу согласиться с суждениями, высказанными Иосифом Керпелем в его письме в журнал “Лехаим”, которое было опубликовано в №11 за 1999 год. Он, по сути, солидаризируется с позицией Макашова: “В органах власти должны соблюдаться национальные квоты”. Такая точка зрения находится в полном противоречии с правами человека, провозглашенными Организацией Объединенных Наций и другими

международными форумами. Именно эти права и являются приоритетными по отношению к правам национальным, религиозным и т.п. Думаю, точнее, надеюсь, что с мнением Макашова не согласится большинство граждан России, независимо от национальности.

Не очень ясно, что подразумевает Макашов и солидарный с ним по этому вопросу Керпель под “органами власти, в которых должны соблюдаться национальные квоты”. Верховная ли это власть, правительство ли, Госдума, Федеральное собрание, областные, городские и сельские административные органы субъектов Федерации? Ведь понятие “власть” можно толковать по-разному.

“Призываю вас подумать вот о чем, - пишет И. Керпель, - разве не должны в любой стране в тяжелое для нее время стоять у власти представители почти одной только коренной национальности?” Полагаю, что автор имеет в виду русских. Почему? В интересах ли это большинства граждан России? Не важнее ли для них, чтобы у власти находились умные, порядочные, честные люди, знающие свое дело, озабоченные интересами всех народов, населяющих страну?

“Евреи, - призывает Керпель, - уйдите из руководства политикой, крупными банками и СМИ... Пусть в России будут евреи - врачи, инженеры, учителя, писатели, художники, артисты, музыканты, но не более того”. А как быть мне, еврею, который “более того”. Я ученый в области телекоммуникаций, заведу кафедрой Поволжской государственной академии телекоммуникаций и информатики в Самаре, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ. Как поступать талантливым евреям, работающим в области юстиции, финансов, СМИ — всем подать в отставку? А не будет ли это, кроме всего прочего, дезертирством в тяжелое для страны время? Неужто уход таких людей будет благом для России?

И.Керпель, по-видимому, полагает, что покорность, смирение, непритязательность и есть те качества, которые успокоят антисемитов, предотвратят новый Холокост. Как показывают мировая история и мой личный жизненный опыт, опыт человека, прошедшего подростком три гетто и концлагеря Штутгоф, Освенцим и Бухенвальд, ничего подобного! Мы были покорными, смиренными, и нас сжигали в газовых печах.

Ààí èèè Èèíàíèèè, Nàì ààì

Дорогие друзья!

К сожалению, только сейчас сумел прочитать в “Лехаиме”, № 11 за 1998 год подборку откликов на выступление Тополя. Конечно, я согласен с очень многим, изложенным в вашем журнале, но мне не нравится, что Тополь опубликовал свои статьи в еженедельнике “Аргументы и факты”, у которого миллионы читателей, а отклики прочтут только 50 000 человек, в основном евреи. Не кажется ли вам, что это “холостой выстрел”? Я думаю, что надо было сделать так, чтобы ответ был опубликован в тех же “Аргументах и фактах”. Если бы редактор Старков не согласился опубликовать его, тем самым показав свое истинное лицо, можно было бы найти другие издания с миллионным тиражом.

Может показаться, что отвечать еврею должны евреи, но я думаю, что это не совсем так, вернее, совсем не так. Задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы “поднять” для ответа именно русскую интеллигенцию, ведь читать такую отповедь будут русские, среди которых есть не только порядочные люди, но и националисты, фашисты,

коммунисты, в том числе и депутаты Госдумы, на государственном уровне в том или ином виде поддерживающие антисемитов. Это нешуточное дело. Следует понимать, что в течение как минимум десяти лет экономическое и политическое положение в России вряд ли заметно улучшится, а врагов ищут именно тогда, когда основной массе народа живется плохо.

Любое общество напоминает клавишный инструмент “наоборот”. В каждый исторический период в зависимости от обстановки высовываются те силы, которым симпатизирует большинство общества. Ведь Гитлер не захватил власть, а пришел к ней демократическим путем. Его поддержало большинство немецкого народа, который в дальнейшем и осуществлял замыслы фюрера. Вся первая половина XX века для Европы была характерна диктаторами: Сталин, Муссолини, Гитлер, Франко, Антонеску, Хорти... Сегодня время другое, другие “клавиши” вылезли наружу. В Германии, к примеру, внуки и правнуки тех, кто истреблял, грабил, сжигал людей в печах только за то, что они евреи, сегодня даже создают условия наибольшего благоприятствования для возрождения в этой стране еврейской общины. Но не следует обольщаться. Все это не вечно и происходит потому, что на данном этапе Германия — благополучная страна, и если ухудшатся там условия жизни, все может “вернуться на круги своя”.

Сейчас условия в России таковы, что самое время вылезать “клавишам”, которые пытаются свои беды свалить на евреев. Конечно, и Тополь (в семье не без урода) подлил масла в огонь. По всей России поднимают голову такие элементы, и у них все больше сторонников.

Следует отдать “должное” еврейской интеллигенции, которая тоже косвенно подливает масло в огонь. Ведь в России не более 0,5% населения страны составляют евреи. Несмотря на это, “засилие” евреев налицо. В основном это инженеры, учителя, врачи, артисты, литераторы, ученые, музыканты, бизнесмены. Все они проживают главным образом в крупных городах. В Москве, например, евреев “художественных” профессий, наверное, столько же, сколько и русских. На фоне ухудшения жизненных условий основной массы населения пышные юбилеи Кобзона, Винокура, Краснова и др. напоминают пир во время чумы. Мне лично импонирует поступок Солженицина, отказавшегося от награды, объясняя это тем, что не может ее принять в тяжелое для народа время.

Многие понимают опасность и уезжают из России. Все это нам следует иметь в виду.

Ń ōâæáí èâí

B. Ââéí áâ, Äçâðæèí ñê

МАКС, ДЕЙВ И ДРУГИЕ ФЛЕЙШЕРЫ

В 1887 году на пароходе, плывшем к берегам Америки из Австрии, среди других пассажиров находилась чета Флейшеров Амалия и Вильям с двумя детьми. Старшему, Чарльзу, было 5 лет, младшему, Максу, — 3 года, он родился 19 июля 1884 года. Это была мужественная семья, готовая к борьбе за свое существование в новой для нее стране.

Когда еврейским женщинам на корабле предложили снять парики и остричься наголо, Амалия Флейшер проявила характер и категорически отказалась это сделать.

- Можете меня выкинуть за борт. Не для того я покинула свой дом, чтобы начать с унижений на новом месте, - заявила она.

Амалия Флейшер с дочерью Этель и сыном Дейвом. 1907 год.

Ее оставили в покое. Обосновавшись в Америке, Амалия поставила в известность мужа и детей, что больше ни одного слова на немецком языке она в доме не потерпит. Произведя тщательный "обывск", она избавила семью от всех книг и газет, написанных по-немецки. Эта женщина отличалась необыкновенно твердым и независимым характером. Надо сказать, что и с литературой на английском языке она в будущем распоряжалась по своему усмотрению: если ей не нравился конец книги, она вырывала последние страницы и дописывала свою версию.

Вильям Флейшер, неплохой портной, не в последнюю очередь благодаря напористости жены, через несколько месяцев после прибытия в США открыл небольшую мастерскую в манхэттенском Ист-Сайде, районе, где нашли себе пристанище многие еврейские иммигранты. Не прошло и года, как мастерская переместилась в более престижный район Нью-Йорка, Аптаун.

За короткий промежуток времени семья пополнилась тремя сыновьями и дочерью. Иосиф (Джо) родился в 1889 году, Луис — в 1891-м, Дейв — в 1894-м, Этель — в 1898 году. Еще один сын, Сол, умер от тифа в возрасте двух лет.

Вильям готов был броситься в любую авантюру. Однажды ему довелось стать свидетелем того, как усыпляли белую лошадь из конки, у которой сломалась нога. Портной поинтересовался, сколько ему будет стоить туша животного. Оказалось, 25 долларов. Вскоре у пошивочной мастерской появилось чучело лошади — желающие

могли его лицезреть и сфотографироваться на нем за умеренную плату. Изобретенный и запатентованный Вильямом крючок с петлей был взят "на вооружение" департаментом полиции, и много лет на мундирах нью-йоркских "копов" красовались флейшеровские застежки.

По воспоминаниям сына Луиса, большинство инвестиций отца прибыли не приносили. Однако его готовность вступать в новые предприятия унаследовали и братья Флейшеры. Главным отцовским качеством, которое изменило их жизнь, была жажда нового, каждый из них впоследствии запатентовал несколько своих разработок. Двум из сыновей Флейшеров, Макс и Дейву, суждено было стать родоначальниками мультипликационного кино.

Семья была сравнительно обеспеченной, но дети знали, что им следует зарабатывать деньги самим. Макс рассказывал, как начиналась его карьера художника. В школе он рисовал на ватмане карты, более четкие, чем в учебнике, и продавал их школьной администрации. Свое образование он продолжил в Высшей художественной школе, по окончании которой получил работу... фотографа.

Дейв учился далеко не блестяще. Уроки, по его собственному признанию, навевали на него сон. Он любил только рисовать.

- Дейв, зачем тебе здесь спать? — спросил его однажды учитель. — Ты мог бы пойти в художественную школу, тебя научили бы там рисовать комиксы.

Мальчик послушался, но, не найдя такой школы, занялся "промышленным шпионажем". Он отправлялся в районы Нью-Йорка, где были дорогие магазины, и срисовывал с их витрин последние модели. Предприимчивый отец использовал их в своей работе. Между прочим, Дейв всегда запоминал лучше нарисованное, чем написанное. Отправляясь в магазин за продуктами в свои четыре года, ребенок рисовал то, что ему

поручали купить. Изумленным продавцам он предъявлял лист бумаги с изображением сахара, картофеля, перца. А с горохом (по-английски "пис") вышел конфуз. Ребенок весьма удивился маминому поручению, но что поделаться... Зато как позабавлены были в магазине. Владелец его, мистер Липман, сохранил листы Дейва и много лет спустя развесил их на стенах своего заведения. Подростком Дейв чрезвычайно увлекся спортом, в частности американским футболом, целыми днями пропадал на улице. Как-то его более целеустремленный старший брат Лу решил заняться его воспитанием:

- Ну что ты все только играешь? Посмотри на меня, вот я учусь и надеюсь стать человеком!

Дейв поинтересовался:

- И кем же ты надеешься стать?

- Архитектором, - уверенно ответил Лу.

- Очень хорошо, - одобрил младший брат, - Я тогда возьму тебя к себе на работу.

В свое время так и произошло, Дейв сдержал обещание, принял Лу в их с Максом "Fleischer Studios" ("Студию Флейшеров").

Луис Флейшер.

В начале уходящего сейчас века анимация только зарождалась. Не было ни школ, ни учебных пособий в этой области. Получившие распространение комиксы оставались на бумаге, перенести изображение на экран в движении не представлялось возможным. Макс решил, что для этого необходимо перерисовать кадр за кадром движения актера на экране. Он обратился к известному режиссеру Винзору Мак-Кею, и тот охотно согласился на сотрудничество.

В его исканиях Макса неожиданно поддержал брат Дейв. В 1939 году он будет вспоминать: "О моих экспериментах узнал Дейв. Больше он не мог спать по ночам, ему снились движущиеся комиксы". Результатом совместных усилий братьев явился уникальный прибор ротоскоп, который до сих пор используется мультипликаторами во всем мире, в России он известен под названием "эклер". Ротоскоп позволил проецировать на экран покадрово фигуры людей, зафиксированные на киноплёнке, и затем перерисовывать их на бумагу или целлулоид. С этого момента художники научились переводить рисунки в движение.

Запатентованный братьями 9 октября 1917 года прибор Уолт Дисней двадцать лет спустя использовал для создания своих мультфильмов. Суд не признал за Максом Флейшером права претендовать на гонорары от Диснея и других кинематографистов, применявших в своей работе ротоскоп. Основанием для такого решения служил тот факт, что маленькая пенсильванская компания "Боссворд, Дефреснес & Фелтон" создала аналогичный прибор.

Макс Флейшер.

В детстве Дейв мечтал стать клоуном. Увидев в парке своих кумиров, он попросил у отца кусок черной материи, из которой изготовил пижаму с тремя огромными пуговицами и колпак. Костюм этот пригодился, в него братья одели первого созданного ими клоуна Коко. Если быть точными, то надел костюм клоуна сам Дейв, брат Джо снимал его на пленку, а Макс выступал в качестве режиссера. Пользуясь ротоскопом, Дейв срисовал себя с пленки. Так в 1921 году они стали снимать сериал "Из чернильницы" с Коко, упрямым, глупым, все разрушающим персонажем, быстро завоевавшим любовь зрителей. В 1927 году на студии "Парамаунт" был снят очередной фильм "Коко играет в пульку".

С появлением звука в кино Флейшеры приступили к созданию музыкального фильма "Песни экрана". Коко царствовал на экранах до конца 20-х годов, в 30-е у него появится серьезный конкурент — диснеевский Микки Маус. Флейшеры не мыслили сдаваться и придумали новый персонаж — Бэтти Буп, прообразом которой была красивая, но глупая и безвкусная американская певичка Хелен Кейн. Узнав себя в Бэтти, Хелен подала на мультипликаторов в суд, чем только создала рекламную кампанию их фильму. На судебный процесс продавали билеты за десять долларов, огромную по тем временам сумму. Прения суда в стенограммах расходились по Нью-Йорку и были не менее популярны, чем фильм. Один из диалогов между Максом и Хелен выглядел примерно так:

- Вы утверждаете, что Бэтти говорит вашим голосом? - спрашивает Макс.
- Да, конечно, все мои друзья знают, что у меня такой голос, - отвечает Хелен.
- И вы так разговариваете с вашими друзьями?
- Ну да, конечно!
- Мне их жаль.

Дейв Флейшер в школьные годы.

Вечером того дня, когда этот диалог состоялся, Макс прибыл на студию и попросил своих сотрудников остаться на ночь. За восемь часов был изготовлен фильм, в котором Бэтти стала разговаривать другим голосом. Фильм заканчивался ее заявлением: "Я больше не буду разговаривать со своими друзьями таким ужасным голосом". Суд отказал Хелен в ее иске против Флейшеров, что же касается Бэтти, то жизнь ее была далеко не безоблачной. В чем ее только не обвиняли! Она неправильно ориентировала американских подростков, служила образцом дурацкой моды, по ее вине молодые американцы забудут нормальный английский язык! Но все это не мешало росту популярности красотки. Выпускались спички, мыло, брелки с ее изображением. Сухая статистика утверждает, что по этому показателю Бэтти Буп заметно обставила Микки Мауса.

А Флейшеры не останавливались на достигнутом. В 1933 году в компании с Бэтти появился моряк Попай, ставший скоро постоянным героем серии. Вместе с ним на экран был выведен громила Блутто — противник моряка и его дама сердца Олива. Кроме всего прочего, сериал еще и пародировал навязчивую рекламу. После каждой победы над Блутто счастливый Попай громкогласно сообщал, что всем обязан шпинату, благодаря которому он обрел необыкновенную силу. Юмор персонажей не отличался мягкостью или изысканностью, но сцены драк и побоищ, разыгранные изобретательно и динамично, импонировали невзыскательной публике.

Джо Флейшер.

Не терял времени и Дисней. В 1938 году он выпустил полнометражный фильм "Белоснежка и семь гномов". Флейшеры не замедлили откликнуться полнометражной

лентой - "Путешествием Гулливера". Макс к тому времени уже наскучили не слишком умные персонажи предыдущих картин. Он давно любил свифтовский шедевр, видел и ценил в нем глубокую сатиру. Иерархия Лилипутии казалась ему схожей с современной иерархией. Книга давала понять, как собственное представление людей об их величии может не совпадать с их истинной низменной сущностью.

Успех "Гулливера", премьера которого состоялась в Голливуде в 1938 году, превзошел все ожидания. И, что было немаловажно для Флейшеров, весьма уязвил Диснея. Тот ответил фильмом "Пиноккио", Флейшеры в свою очередь — фильмом "Мистер Жук едет в город".

Последним совместным персонажем братьев Флейшеров был популярный герой комиксов Супермен, с 1942 года каждый из братьев стал работать самостоятельно.

Ричард Флейшер.

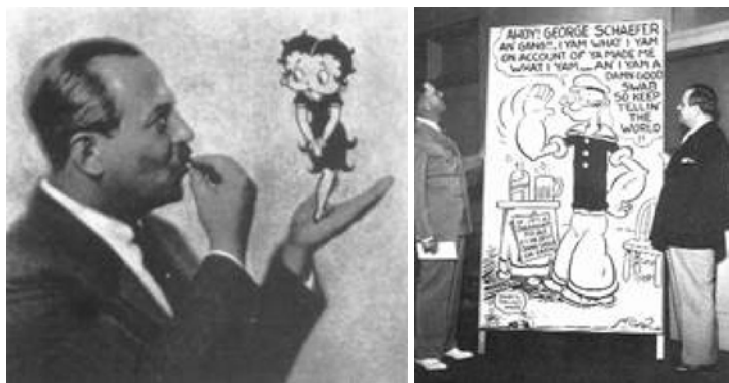
О глубине возникшего между ними конфликта говорит тот факт, что больше никогда Макс и Дейв не встречались, не разговаривали, не переписывались друг с другом. Что же послужило причиной разрыва? На самом деле отношения между братьями никогда не были простыми. И во время работы они часто и надолго прерывались. Джо полагает, что значительную роль здесь играла жена Макса Эсси, чрезвычайно подозрительная особа. В качестве основной причины постоянных ссор называли поведение Дейва, его связь со своей секретаршей. Впоследствии он оставит семью, чтобы на ней жениться. Более вероятным представляется другое. В 1942 году взорвался котел, закипавший много лет. Макса раздражало пренебрежение, выказываемое ему младшим братом. По свидетельству Лу, Дейв «никогда не считался с мнением Макса, поступал по собственному усмотрению». С другой стороны, Макс вел себя и с братьями, и с остальными сотрудниками компании как диктатор. Большинство достижений студии являлись в равной мере заслугой Дейва, Макс же всегда демонстрировал, что настоящий «хозяин в доме» — он. Дейв говорил в одном из интервью: «В детстве стоило Максиму выйти за порог или, тем более, уехать куда-нибудь, как я, ребенок, не переставал плакать. Я его очень любил! Но пришло время, когда я не мог больше его видеть. Если мне придется когда-нибудь написать книгу о наших взаимоотношениях, я назову ее «Нет большей ненависти, чем братская любовь»».

Хелен Кейн в суде.

Расставшись с Максом, Дейв возглавил отдел мультипликации на фирме "Коламбия", но задержался он там ненадолго. Через два года он пришел в киностудию "Юниверсал Пикчерз", переживавшую тогда не лучшие времена. И, как говорят, спас ее от банкротства. Его деятельность продолжалась еще 15 лет, после чего он удалился от дел и поселился в небольшой квартире на Голливудском бульваре в Лос-Анджелесе.

Макс продолжал работать до 1955 года. В январе 1956 года он встретался с Уолтом Диснеем.

- Уолт, - сказал Макс "своему старому другу", - я счастлив, что мы смогли дать нашим детям не меньше, чем представители других видов искусств.

Оба были счастливы, особенно Дисней: Флейшеры больше не были ему конкурентами, они перестали снимать мультфильмы...

Сын Макса Ричард тоже связал свою жизнь с кинематографом. Он учился на театральном факультете Йельского университета. С 1937 года работал в театре. Первый опыт Ричарда в кино был связан с документальными фильмами. Он был монтажером, затем режиссером. В 1940 году его картина "Предназначенный к смерти" получила премию "Оскар". В 1946 году Ричард обратился к игровому кино, поставив фильм "Дитя развода". Его фильмы, в основном зрелищные криминальные драмы и "полицейские" детективы, такие как "Принуждение", "Бостонский душитель", "Новые центурионы". Но Флейшер ставит фильмы и другой направленности, например научно-фантастические "20 тысяч лет под водой", "Фантастическое путешествие", "Зеленый Сойленд". Среди его фильмов экранизация повести Марка Твена "Принц и нищий". "Несравненная Сара" признан одним из лучших биографических фильмов о Саре Бернар. В 1980 году Ричард

поставил новую версию первого звукового фильма “Певец джаза”, в 1984 году — фильм “Конон-разрушитель”.

Макс Флейшер (слева) с Уолтом Диснеем.

Макс Флейшер скончался в 1972 году. Его смерть почти никем не была замечена, ушел выдающийся забытый мастер.

Дейв пережил брата на семь лет, он умер в 1979 году.

Ēāī ēā Ēāāāđā

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 1999 АВ 5759 - 7 (87)